

Виктор Степанович Алексеев-Попов
«СОЦИАЛЬНЫЙ КРУЖОК»

и его ПОЛИТИЧЕСКИЕ и СОЦИАЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ
(1790-1791 гг.)

Из ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

Сборник статей к 75-летию академика

Вячеслава Петровича Волгина

М.: изд-во АН СССР. 1955. С.299-339

Веб-публикация: библиотека *Vive Liberta* и Век Просвещения, 2010.

Дополнительные ссылки на материалы в сети даны нами после статьи.

В истории Французской буржуазной революции конца XVIII в., на-
родной по своим движущим силам, особенно важную роль сыграли раз-
личного рода демократические организации — секции, народные обще-
ства, клубы, кружки, являвшиеся центрами революционного движения.
Однако деятельность многих из этих организаций все еще изучена да-
леко не достаточно.

К их числу принадлежит и «Социальный кружок» («Cercle social»),
деятельность которого привлекла внимание Маркса еще в 1844 г., в пе-
риод интенсивного изучения им в Париже истории революции 1789—
1794 гг.¹ В «Святом семействе» Маркс, как известно, определил роль и
историческое место этой организации, указав, что ее деятельность свя-
зана с первым этапом революционного движения, которое, пройдя через
ряд этапов своего развития («Cercle social», «бешеные», Бабеф и «Рав-
ные»), вызвало к жизни идею нового мирового порядка, коммунистиче-
скую идею².

В. И. Ленин в конспекте «Святого семейства» передает эту мысль
следующим образом: «Французская революция породила идеи комму-
низма (Бабеф), которые при последовательной разработке содержали
идею нового мирового порядка»³.

На протяжении более ста лет существования чрезвычайно обширной
историографии этой революции было предпринято немало попыток освет-
ить историю «Социального кружка». Но все они выразились лишь
в попутных замечаниях и беглых оценках, разбросанных по страницам
общих работ по истории революции 1789—1794 гг. Насколько нам из-
вестно, посвященная этой революции литература не содержит ни одной
статьи о «Социальном кружке», не говоря уже о монографических иссле-
дованиях. В указателе Вальтера Жеррара, учитывающем появившиеся с
1800 до 1940 г. монографии и статьи по истории революции 1789—
1794 гг., имеющиеся в фондах Национальной библиотеки⁴, названа
лишь книга литературоведа Аривеля⁵, в которой политической деятель-
ности Бонвилля уделено чрезвычайно мало внимания, одна статья

¹ См. в записную книжку Маркса (Karl Marx, Friedrich Engels. Historisch-kritische Gesamtausgabe. Erste Abteilung. Bd V. S. 549). К сожалению, нам до сих пор неизвестны источники, на основании изучения которых Маркс ознакомился с деятельностью «Социального кружка».

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 147.

³ В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 43

⁴ Répertoire de l'histoire de la Révolution française. Personnes. P., 1941.

⁵ Ph. Le Harivel. Nicolas de Bonneville, pré-romantique et révolutionnaire
Strasbourg, 1923.

о Фоме¹ и одна книга о нем же². Перечень работ, приведенный В. Жераром, далеко не полон. Впрочем, ничего существенного по данному вопросу и не содержали известные работы Эспинаса³, А. Лиштаберже⁴ и других авторов по истории социалистической мысли во Франции.

Олару принадлежит опыт характеристики Фоме как политического оратора, в которой он, однако, не ставил перед собой задачи раскрыть более глубоко социальное содержание выступлений Фоме⁵.

Не отражает появления каких-либо новых работ, освещающих историю «Социального кружка» и новейший, гораздо более полный указатель А. Монглона⁶.

Одинок, никем не услышанный прозвучал полвека тому назад голос С. Лакруа (Кржижановского), пытавшегося привлечь внимание к изучению этой организации и опубликовавшего с этой целью ряд источников по истории ее основания и деятельности, сопроводив их ценными комментариями⁷. Значение проделанной С. Лакруа работы особенно велико потому, что, как справедливо отмечает Олар, «нет ничего запутаннее библиографии различных памфлетов как периодических, так и непериодических Фоме, Бонвилля и их группы»⁸.

А. Матьез, высказав в 1910 г. ошибочную точку зрения на характер деятельности «Социального кружка»⁹, в дальнейшем, видимо в связи с общим временным изменением своей общественно-политической позиции, отказался от нее. Однако, признав газету кружка «Железные уста» одной из наиболее интересных газет начального периода революции, он ограничился лишь тем, что выступил в 1917 г. с краткой заметкой, разъяснившей происхождение названия этой газеты¹⁰.

Ошибочная характеристика, данная А. Матьезом созданной «Социальным кружком» федерации «Друзей истины», как «политической академии», оторванной от окружавшей ее действительности и всецело погруженной в рассмотрение планов будущего идеального государства, сохранила, к сожалению, свое влияние на представителей следующих поколений французских буржуазных историков¹¹.

Фигура Фоме привлекла к себе внимание клерикальной историографии в начале XX в., когда Ватикан попытался противопоставить идеям марксизма, росту революционного рабочего движения пропаганду «христианской демократии», «социального католического действия». Стремясь оживить идеи и аргументы реакционного «христианского социализма» 30-х годов, аббат Шарье издал в 1909 г. двухтомную книгу о Фоме, которого он изображал в виде непосредственного предшественника Ламенне. Шарье следующим образом разъяснял актуальную политическую цель своей работы: «В эпоху, когда противники религии хва-

¹ Blossier. Claude Fauchet. («La Révolution Française», 1909, t. XLII).

² Cros. Claude Fauchet. Les idées politiques, économiques et sociales, 1912. Работа эта, отсутствующая в наших книгохранилищах, осталась, к сожалению, пока нам неизвестной.

³ Espinas. La philosophie sociale du XVIII siècle et la révolution française, 1898.

⁴ A. Lichtenberger. Le socialisme et la révolution française. P., 1899.

⁵ A. Aulard. Les orateurs de la révolution, t. 2, pp. 108—131, P., 1907.

⁶ A. Monglond. La France révolutionnaire et impériale, t. I, II, Grenoble, 1951.

⁷ S. Lacroix. Actes de la Commune de Paris pendant la révolution, 2 série, t. VII, P., 1898.

⁸ А. Олар. Политическая история французской революции. М., 1938, стр. 69.

⁹ A. Mathiez. Le club de Cordeliers pendant la crise de Varennes et la massacre du Champ de Mars. P., 1910, pp. 5—6.

¹⁰ A. Mathiez. Sur le titre du journal «La Bouche de fer» («Annales révolutionnaires», t. IX, 1917, pp. 685—690).

¹¹ См. I. Bourdin. Les sociétés populaires à Paris pendant la révolution. P., 1937, p. 159—160.

дятся своими демократическими чувствами и изображают себя друзьями народа, уместно показать, опираясь на историю... что большинство социальных реформ, которых они требуют, находятся в зародыше в Евангелии»¹.

Советские историки, давшие ряд ценных исследований по истории движения плебейских масс Парижа под руководством «бешеных», Бабефа и «Равных», до сих пор не посвятили еще ни одной специальной работы истории «Социального кружка», хотя важность исследования истории этой организации была отмечена Я. М. Захером еще в 1928 г., в его выступлении на первой Всесоюзной конференции историков-марксистов.

К сожалению, этот вопрос обойден полным молчанием и в новейших работах французских историков, в том числе историков-коммунистов, например в книге Р. Гароди².

Систематическое изучение основных источников³ дало возможность восстановить в главных чертах историю основания «Социального кружка», картину его деятельности и на основании этого предпринять попытку характеристики выдвигающихся здесь социальных и политических требований, сформулированных в устных и печатных выступлениях основателей и руководителей этой организации Фоше и Бонвилля.

«Социальный кружок» начал свою деятельность в январе 1790 г. Он был основан группой представителей демократически настроенной интеллигенции во главе с аббатом Клодом Фоше, участником штурма Бастилии, членом первой Коммуны Парижа; проект организации кружка принадлежал Николя де Бонвиллю, ставшему затем секретарем кружка и редактором его газеты⁴. По своим взглядам оба они являлись учениками и последователями философов XVIII в., в частности и в особенности учениками и последователями Руссо. Основатели кружка принадлежали к демократической части первой, временной Коммуны Парижа, в которой после муниципальной революции 1789 г. руководящую роль играли представители состоятельной буржуазии во главе с мэром Бальи. Еще не сознавая, какого рода острейшие разногласия скоро противопоставят их этим «кумирам 1789 г.», Бонвилль и Фоше, в соответствии со своими взглядами, сформировавшимися накануне революции, в отличие от антидемократически настроенных заправил Коммуны, стремились к тому, чтобы нести в народ свет просвещения и способствовать расширению роли и влияния в общественной жизни «угнетенных граждан».

Бонвилль происходил из дворянской семьи. Еще юношей он страстно увлекался идеями просветителей, энциклопедистов; переехав в Париж, он пользовался здесь покровительством Даламбера. Изучив в совершенстве древние и новые языки, он выступает в качестве переводчика и популяризатора английской (Шекспир) и немецкой драматургии, а затем

¹ J. Charrier, *prêtre du diocèse de Nevers. Claude Fauchet, t. I, p. 192.*

² R. Garaudy. *Les sources françaises du socialisme scientifique. Nouvelle édition remaniée.* P., 1949.

³ В первую очередь издававшихся кружком в 1790—1791 гг. газет «Cercle social» и «La Bouche de fer».

⁴ См. В. С. Алексеев-Попов. История основания «Социального кружка». («Труды Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова Серия исторических наук, вып. 4, Одесса, 1954, стр. 133—161).

и в качестве поэта¹. Пробует он свои силы и в области истории, принимая опыт критической оценки работ по истории Европы начала нового времени².

Находясь в Англии, Бонвилль изучает опыт политической борьбы, роль в ней печати, становится восторженным поклонником известных «писем Юниуса», знакомится с такими демократическими деятелями, как Томас Пэн, Джон Горн-Тук³. Путь идейного развития Бонвилля в предреволюционные годы был сложен и извилист. Его увлечение масонством, участие в ордене иллюминатов характерно для определенной части дворянской по происхождению, а также и для буржуазной интеллигенции. Оппозиционно настроенная по отношению к феодально-абсолютистскому строю, ненавидевшая римско-католическую церковь как рассадник суеверия, эта воспитанная на просветительской, рационалистической литературе интеллигенция сама в то же время была заражена мистико-религиозным духом, столь характерным для масонских лож, получивших довольно широкое распространение во Франции накануне революции. В то же время необходимо подчеркнуть, что, несмотря на все резко отрицательные черты идеологии и организации масонства, люди вроде Фоше⁴ и Бонвилля находили в этой деятельности первую форму своего политического объединения. О целях, которые они при этом ставили перед собой, говорит, например, содержание книги Бонвилля, вышедшей в 1786 г., в которой изображены масоны, разоблачающие и преследующие иезуитов⁵. Именно эта общественная позиция и определила то активное участие, которое Бонвилль принял в событиях надвигавшейся революции, решительно став в ней на сторону третьего сословия⁶.

Подобно множеству людей своей среды Бонвилль избирает своим оружием печатное слово. Его дебютом, прошедшим, вероятно, незамеченным среди хлынувшего тогда «потока писаний», было издание серии

¹ В письме к Кондорсэ Бонвилль именуется в 1787 г. адвокатом при Парижском парламенте; таково, очевидно, было его официальное положение, так как литературный труд не давал материальной обеспеченности. В это время он издавал (первоначально с Фределем) в Париже «Le pouveau Théâtre allemand» (12-томное собрание переводов пьес немецких драматургов). В 1786 г. появилась его книга «Choix de petits Romans imités de l'Allemand», содержащая также ряд его лирических стихотворений.

² В 1787 г. он перевел написанную Росселем «Историю современной Европы» (от падения Римской империи до событий 1763 г.). Целью Бонвилля было дать, как он выражается, элементарное, т. е. популярное, изложение истории для «детей народа». Имея в виду подобную просветительскую задачу, Бонвилль написал обширное введение к этой книге, в котором подверг критике предрассудки, свойственные историкам «Новой Европы». Эту работу он издал в 1787 г. в Лондоне в виде письма к Кондорсэ. («Lettres de Nicolas de Bonneville, avocat au parlement de Paris à Mr. le Marquis de Condorcet. A Londres, 1787».)

³ С Горн-Туком Бонвилля сблизил также, вероятно, общность их лингвистических интересов (см. В. Томсен. История языковедения до конца XIX века. М., 1938, стр. 50, 116).

⁴ Что касается Фоше, то он, повидимому, принадлежал к находившейся в Париже масонской ложе под названием «Соединенных друзей», следовавшей так называемому обряду фиалетов, т. е. друзей истины. Вполне вероятно наличие преемственной связи между этим названием и наименованием «Федерации друзей истины», которую Фоше и его единомышленники основали в 1790 г. Заслуживают внимания и проверки имеющиеся в литературе указания на то, что иллюминаты отличались от масонов большей решительностью своих взглядов и не только были настроены республикански, но и ставили перед собой в качестве тайной цели борьбу за уничтожение крепостничества и цехов, чем и объясняются гонения, которым этот орден подвергся со стороны иезуитов в месте своей организации — Баварии, что и привело к его закрытию в 1785 г.

⁵ N. Bonneville. Les jesuites dévoilés, chassés de la Maçonnerie, 2 t.

⁶ Он был выдвинут выборщиком от III сословия Парижа на выборах в Генеральные штаты.

писем демократически настроенной группы выборщиков под названием «Народный трибун». Это почетное наименование было дано Бонвиллю группой ремесленников, в защиту интересов которых он выступил («так как их права — это и мои права»).

Затем мы находим Бонвилля среди членов первой Коммуны; он занимает руководящий пост в администрации одного из округов, проявляет значительную энергию в организации снабжения Парижа продовольствием.

После нового выступления плебейских масс Парижа 5—6 октября 1789 г., когда Национальное собрание переехало в Париж, в столице, как и во всей Франции, значительно усилился процесс политического самоопределения различных групп третьего сословия, усилилась тяга к созданию различных обществ и клубов. Однако самостоятельные организации мелкобуржуазной и плебейской демократии в то время еще не сложились. Якобинский клуб 1789—1790 гг. был еще очень далек по своему облику от будущих «якобинцев с народом», клуб Кордельеров возник не раньше чем в апреле 1790 г., большая часть народных обществ — лишь летом 1790 г. Тем большее значение имело выступление Бонвилля в октябре или начале ноября 1789 г. с проектом организации «Социального кружка», с проектом, выдвигавшим задачи организации широкого общественного мнения и использования для этой цели свободного печатного слова.

Каково происхождение этого названия? Выбор для него именно таких «наиболее сладостных» слов основатели этой организации объясняли следующим образом. «Социальный» в их понимании означало «находящийся в интересах общества». Так, например, говоря о «социальном строе», они имели в виду не всякий общественный строй, как это делаем мы, а только такой, в котором гармонично удовлетворены интересы всех членов общества (вспомним, что и Руссо говорил о «*Contrat social*» именно в этом смысле). Круг — это для них «вечный символ равенства» вследствие свойств самой этой геометрической фигуры. Сочетание этих понятий осмысливалось ими в политическом и социальном плане. В 1791 г. Бонвилль писал о стремлении членов кружка «найти квадратуру социального круга», имея в виду поиски решения основной социальной проблемы — возможности обеспечения благоденствия для всех членов общества. В этом смысле Бонвилль видел задачу кружка в таких действиях, которые помогли бы «вернуть нацию к естественному состоянию, к социальному договору».

В своей книге «О духе религий», появившейся летом 1791 г., Бонвилль много говорит о франках, как о народе, в общественном строе, обычаях которого воплотились идеалы свободы и равенства. В своих стихотворениях «*Cercle social*» и «*Bouche de fer*», в своеобразном поэтическом комментарии к этим названиям, Бонвилль в 1793 г. считает «социальным кругом» братский союз франков, древних германцев, поклявшийся освободить эти народы от угнетения Римом¹.

Подобная идеализация первобытных «свободы, равенства и братства» типична, как известно, для различных направлений просветительской мысли XVIII в.², искавших в далеком прошлом «обоснований»,

¹ Стихи эти помещены в сборнике, изданном типографией «Социального кружка» (S. Bonneville. Les poésies. P., 1793, p. 148).

² Так, например, Георг Форстер в корреспонденции из Парижа о празднестве Федерации в июле 1790 г. пишет о Марсовом поле, как о месте, где «франки, свободный союз германцев, собирались ежегодно, чтобы объявить королю суверенную волю народа» (Forster. Ein Lesebuch für unsere Zeit. Weimar, 1953, S. 346).

исторических precedентов для естественноправовой теории. Характерна эта идеализация для взглядов и наиболее радикальных представителей просветительства, для которых эта теория явилась идейным оружием в борьбе не только против сословного, но и против имущественного неравенства.

«Социальный кружок», по замыслу Бонвилля, должен был стать организацией защитников, «трибунов» народа, наблюдающей за деятельностью законодательных органов и исполнительной власти, организацией, предоставляющей гражданам реальную возможность высказывать свое мнение о характере и направлении этой деятельности, этих действий. А обеспечить такого рода широкий, подлинно демократический контроль со стороны народа — это и значило, по мнению Бонвилля, помочь осуществлению наиболее важной составной части народного суверенитета, верховной власти нации.

«Угнетенные граждане, кто же будет говорить от вашего имени, защищать ваши интересы?» — спрашивал Бонвилль и отвечал — „Железные уста“ французского народа». Смысл этого ответа был разъяснен А. Матъезом, показавшим связь между названием газеты кружка «*La Bouche de fer*» и содержанием заглавной виньетки, помещавшейся на ее первой странице¹. Здесь в центре находилось изображение мужской головы в виде маски с открытым ртом, оформленным в виде вытянутого прямоугольного отверстия; сверху была надпись «*Bouche de fer*», т. е. «железные уста». Такая маска, сделанная из железа, украшала лицевую сторону ящиков (*boîtes*) для корреспонденций, установленных сначала у помещения редакции газеты и бюро кружка (улица Французского театра, № 4), а затем и в тех пунктах, где принималась подписка на газету от жителей Парижа. Открытый рот маски служил отверстием для опускания корреспонденций для газеты. Немецкий путешественник Галем в своем письме из Парижа, датированном 14 октября 1790 г., сообщает, что голова (точнее маска), «подобная» той, которую мы видели на виньетке газеты, была изображена на этих ящиках и что через ее открытый рот бросали сообщения, содержащие различные разоблачения².

Значение молнии, прорезавшей тучи, изображенные в правой части рисунка, пояснялось в проспекте газеты двустилием, провозглашавшим, что издатели придали силу грома «голосу самого слабого и вздохам невинного». Придать такую силу голосу угнетенного народа, чтобы он, раздаваясь из этих «железных уст», становился «железным», громовым, т. е. мощным, — такова, как мы видели, была цель проекта Бонвилля. Этим определялся и выбор для одного из номеров газеты «Социального кружка» в качестве эпиграфа стиха из «Энеиды» Вергилия, в котором шла речь о «железном голосе» (*ferrea vox*).

План, предложенный Бонвиллем, был в конце 1789 г. осуществлен (хотя и не в тех широких, общенациональных масштабах, в каких он был задуман) группой членов Коммуны Парижа под руководством аббата Клода Фоше, который приобрел в это время уже значительную популярность. Фоше еще в дореволюционные годы стал на путь протеста против политических и социальных порядков «старого режима». Так, например, уже находясь в Париже, Фоше в присутствии прин-

¹ Над изображением мужской головы с бородой и падавшими прядями длинных волос красовался помни галльский петух, а по краю виньетки шла латинская надпись, гласившая: «Помни, о Галл, что ты управлял народом при помощи слова».

² Приведено у Матъеза (A. Mathiez. Sur le titre du journal «*La Bouche de fer*». «*Annales révolutionnaires*», 1917, t. IX, p. 690).

цессы — невестки короля и ее свиты нарисовал картину претерпеваемых Францией общественных бедствий, предсказал прозящие в будущем потрясения. Он при этом настолько ярко изобразил упадок нравов, пороки «привилегированных», что присутствующие здесь их представители «слвно увидели себя в зеркале»¹. «Должны быть короли, а не тираны, — осмелился заявить он, — подданные, а не рабы». Для понимания характера последующей деятельности Фоме в «Социальном кружке» необходимо учитывать, что еще в своих проповедях накануне революции он критиковал имущественное неравенство, резко выраженное во Франции конца XVIII в., а главное — столь остро ощущавшееся крестьянскими и плебейскими массами в обстановке кризиса, разложения устаревших феодальных отношений и созревания в их недрах нового, капиталистического уклада.

Убежденный последователь Руссо, Фоме доказывает «нестественность» сосредоточения богатств (в частности, земельных) в руках немногих и вопиющей нищеты большинства сельского населения. Для обоснования своих уравнивательных взглядов Фоме прибегает одновременно к теории естественного состояния и права и к ссылкам на идеализируемые им требования раннего христианства. Эта последняя особенность нам хорошо известна как характерная черта идейного облика руководителей движений беднейших крестьянских и плебейских масс в английской буржуазной революции XVII в. (Джерард Уинстенли) и в Крестьянской войне в Германии начала XVI в. (Томас Мюнцер), не говоря уже о более давней традиции, обусловленной характерными условиями жизни этих масс в средние века. Однако для представителя городской части антифеодального лагеря конца XVIII в. этот религиозный характер аргументации в пользу социальных преобразований, это постоянное обращение к текстам Евангелия и т. д. представляли собой уже известный анахронизм, свидетельствовавший о наличии ряда слабых сторон в мировоззрении Фоме. Ибо как раз буржуазная революция 1789—1794 гг. была первой из этих революций, в которой борьба народных масс, освободившись от присущей ей до этого религиозной оболочки, протекала на чисто политической почве, не говоря уже о выступлениях буржуазии. Огромную роль сыграла здесь мощная идеологическая подготовка этой революции. В ходе ее не только была развита энергичная, наступательная критика католической церкви (вспомним призыв Вольтера: «раздавите гадину!»), но и выдвинулась из среды материалистов XVIII в. плеяда смелых мыслителей, возвысившихся до атеизма и давших столь высоко оцененные В. И. Лениным образцы боевой, остроумной критики религии². Правда, религиозные взгляды у Фоме не только переплетались с приверженностью к идеям философ-просветителей, рационалистов, которые осуждала и яростно преследовала католическая церковь, но и существенно отличались от ее догматов, так как он явно находился под сильнейшим влиянием философии Спинозы³. Но все же именно эти религиозные взгляды, как и следовало ожидать, сыграли роковую роль во всем дальнейшем развитии его деятельности. Именно они привели Фоме, этого «защитника бедняков», как он сам себя с гордостью называл, в поисках несбыточного «братства», всеобщего примирения к отказу от революционной борьбы, к тому, что

¹ P. Paganet Essai historique et critique sur la révolution française... t. II. P., 1810, p. 78

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 204

³ См., например, его речь «о всеобщности природы» («La Bouche de fer», 1790, № 25, pp. 385—397).

он сблизился с жирондистами и бесславно закончил свой жизненный путь в 1793 г. на эшафоте с группой их лидеров.

Наиболее полно взгляды Фоше были им выражены в книге «О национальной религии», изданной в 1789 г. в Париже, уже после созыва Генеральных штатов¹. Эпитаграф гласил: «Братья, вы призваны к свободе». Само название книги говорит о том, что Фоше выступает в ней как сторонник галликанства. Он страстно нападает на конкордат, заключенный французскими королями с папской курией и подчинявший французскую церковь Риму. Фоше называет его адским изобретением, разбойничьим законом и показывает его пагубные последствия.

В ряде разделов книги содержатся проекты уничтожения массовой нищеты и смягчения имущественного неравенства. Для достижения первой из этих целей Фоше предлагает организацию общественных благотворительных мастерских в приходах, округах и провинциях с тем, чтобы «каждый человек, имеющий руки, мог бы себе заработать на хлеб». Для смягчения имущественного неравенства, для предотвращения скопления крупных состояний в одних руках Фоше предлагает законодательным путем воспретить дальнейшую покупку земли лицами, получающими определенную (и притом весьма значительную) земельную ренту, установить равный раздел имущества между наследниками и т. д. (стр. 223—231, 239—249).

Когда осенью 1789 г. буржуазное большинство Национального собрания открыто стало на путь ограничения прав народа, на путь введения имущественного ценза в избирательный закон, приняв еще до этого ряд других явно антидемократических мер, — Фоше выступает как страстный и убежденный сторонник осуществления разработанных Руссо принципов буржуазной демократии (он пользуется, кстати, уже и самим этим термином). Выступая в Коммуне 20 и 25 ноября 1789 г. с речью «о правах депутатов и народа», Фоше требует, чтобы вся нация, в том числе и миллионы неграмотных крестьян, имела бы право на своих первичных собраниях обсуждать проекты законов, выражать свое согласие или несогласие с ними и чтобы Национальное собрание с этим считалось. Протестуя против лишения народных масс права представительства, Фоше сигнализировал об опасности, которую представляет собой монопольное присвоение богачами права быть избранными в Собрание. «Скоро образуется каста... которая захватит в свои руки все представительные органы. Это — каста богачей»², — говорил он. Предвидя самые мрачные последствия этого политически оформлявшегося тогда господства крупной буржуазии, Фоше предупреждал: «Таким образом мы только изменим своих господ»³.

Таков был идейный облик основателей и руководителей «Социального кружка» — Фоше и Бонвилля в 1789—1790 гг. Охарактеризованные выше черты этого облика отнюдь не имеют узко личного характера: они в той или иной мере были присущи определенной группе демократически настроенной интеллигенции, выступившей (независимо от своего происхождения) на стороне третьего сословия. Общественно-политическую позицию этой группы и представляли Фоше и Бонвилль.

Таким образом, с приходом к власти крупной буржуазии представи-

¹ Fauchet De la religion nationale. P., 1789. Разрешение королевского цензора датировано 30 мая 1789 г.

² Seconde Motion de M l'abbé Fauchet sur les droits des représentants et du peuple, faite à l'Assemblée générale des représentants de la Commune de Paris le 25 novembre 1789, p. 10.

³ Там же, стр. 11.

тели демократически настроенной интеллигенции, принявшие, подобно Бонвиллю и Фоше, активное участие в начавшейся борьбе против феодально-абсолютистского строя, к концу 1789 г вступают во все более враждебные отношения с захватившей власть «кастой богачей»; сначала это происходит на почве резкого расхождения в требованиях политических и затем приводит к столкновению по вопросам социальным

То положение, в котором оказалась при этом демократическая интеллигенция по отношению к «новым господам», придавало ее выступлениям особое значение, так как обойденными в своих политических правах оказались самые широкие народные массы, в частности десятки и сотни тысяч ремесленников и предпролетариев Парижа. Еще решительно ничего не было сделано для удовлетворения социально-экономических требований крестьянских и плебейских масс, и выразителями этих требований опять-таки могли явиться только выходцы из этой же «интеллигентской» социальной среды.

Такова закономерность, обусловившая характер развития взглядов и направления деятельности различных групп демократической интеллигенции, в основном вышедшей из мелкобуржуазных групп третьего сословия.

Группы эти были различны. Одни остались на мелкобуржуазных, мелкособственнических позициях. Другие в ходе революции, под влиянием опыта и уроков классовой борьбы, перешагнули черту, отделявшую самого смелого якобинца от предпролетарского революционера, и стали, подобно Бабефу и его единомышленникам, убежденными врагами частной собственности, идеологами и руководителями плебейских масс. Наконец, третьи совершили лишь известный шаг в этом направлении. Именно к числу этих последних и относились основатели и руководители «Социального кружка».

В октябре 1790 г. они выносят свою деятельность в центр революционного Парижа — Палэ-Рояль¹. До этого «Социальный кружок» представлял собой немногочисленную организацию замкнутого характера, теперь же основанная им «Всемирная федерация друзей истины» насчитывала до 3000 членов из числа «простых людей», еще недавно входивших в третье сословие, и, кроме того, привлекала на свои собрания, проходившие в обширном помещении цирка Палэ-Рояля, многотысячную аудиторию плебейского состава (ремесленники и рабочие из окружавших Палэ-Рояль «улиц») ². Именно это и дало основание врагам Фоше назвать его «пастырем черни», «проповедником рынков» ³.

Первое собрание федерации «друзей истины» состоялось 13 октября 1790 г. Среди присутствовавших 4000—5000 человек находилось множество депутатов Национального собрания, выборщиков 1789 г, членов Коммуны первого и второго созыва, членов различных клубов и обществ. Галереи были заполнены женами этих представителей интеллигенции различных оттенков. Вход был свободен, поэтому сюда собралось и не только тысяч человек из плебейско-демократических слоев населения окружающих секций; эти люди, конечно, не являлись подписчиками газеты «Кружка» и не были поэтому членами «федерации». Представителем

¹ Этот факт имеет свою аналогию в переходе сюда же более прогрессивной части труппы театра Французской Комедии, во главе с Тальма

² Ф. Саньяк отмечает, что Фоше обладал значительным влиянием на «мелкий люд» секций Арси, Ломбар, Гравилье, Моконсейль, Понсо, среди ремесленного населения которых впоследствии протекала деятельность Жака Ру и других «бешеных». Ниже приведены некоторые факты, говорящие о связях «Социального кружка» с определенными кругами ремесленников секций Сент-Антуанского предместья

³ Районы, прилегающие, например, к Центральному рынку, были населены беднотой.

«Социального кружка» во «Всемирной федерации друзей истины» являлся Фоме, получивший высокопарное наименование «генерального адвоката истины».

Особо следует остановиться на участии в деятельности федерации «друзей истины» Лантена, Банкаль дез Иссара и других представителей буржуазной интеллигенции, тесно связанных с Мари Ролан. Обычно они фигурируют в литературе по истории революции 1789—1794 гг. как жироидисты, т. е. представители интересов крупной буржуазии.

Исторические факты говорят, однако, о том, что эти люди (равно как и Бриссо) прошли определенный путь идейно-политического развития и далеко не сразу стали теми, какими мы находим их в 1792—1793 гг. Увлеченные идеями Руссо, подымающиеся подчас до поверхностных, но острых нападок на пагубные последствия неограниченного господства частной собственности¹, они были в 1789—1790 гг. увлечены подъемом революционного движения и занимали в нем позицию гораздо более левую не только в политическом, но и в социальном отношении, чем в период их борьбы с якобинцами. Именно это и сделало возможным их участие в деятельности созданной «Социальным кружком» федерации «друзей истины».

Ограничиваясь этим кратким пояснением, мы полагаем, что вопрос об эволюции будущих жироидистов, равно как и об изменении облика Якобинского клуба, должен быть специально рассмотрен с тем, чтобы внести в его понимание подлинный историзм.

Прежде чем перейти к анализу требований, пропагандировавшихся руководителями «Социального кружка» на собраниях федерации «друзей истины», необходимо сделать несколько общих замечаний.

Мы должны строго различать те цели, которые основатели этой организации сами выдвигали на первый план, от тех сторон ее деятельности, которые определили объективное значение деятельности «Социального кружка» и созданной им федерации.

Субъективно на первый план Фоме и его единомышленниками была выдвинута идея создания всемирной федерации свободных народов. В конкретно исторических условиях эпохи утверждения и победы капитализма в передовых странах она обладала несомненной прогрессивностью, так как в основе ее лежала тенденция к уничтожению национальной замкнутости, обособленности, продиктованная потребностями развития производительных сил, встречавших на своем пути преграды в виде экономической разобщенности феодальных государств.

Именно то, что Фоме и его группа мечтали о создании федерации народов, ставших свободными как в политическом, так и в социальном отношении, отличало их от «оратора человеческого рода» — Анахарсиса Клотота. Его кратковременное сближение с «Социальным кружком» закончилось разрывом, наступившим сразу же после того, как обнаружилась сущность социальных, аграрно-уравнительных требований «Социального кружка» и стремление его руководителей обеспечить миллионам бедняков «жизнь в достатке».

¹ См. раздел, посвященный Бриссо, в работе В. П. Волгина «Уравнительные теории XVIII века» («Очерки по истории социализма», 4-е изд., М.—Л., 1935, стр. 204—207). Именно Бриссо бросил, как известно, в одной из своих работ, написанных накануне революции, слова «собственность — это кража», повторенные впоследствии Прудоном (см. J. P. Brissot de Warville. Recherches philosophiques sur le droit de propriété et sur le vol dans la nature et dans la société). См. Cl. Perroud. Un projet de Brissot pour une association agricole («La Révolution Française», 1909, t. 42), а также переписку Мари Ролан с Лантена и Банкалем: Lettres autographes de madame Roland, adressées a Bancal-des-Issarts. . P., 1835.

Таким образом, в самой этой идее федерации народов в конкретно исторических условиях конца XVIII в. отнюдь не было ничего реакционного. Но не пропаганда этой идеи обусловила значение деятельности основателей «Социального кружка» и созданной ими «Всемирной федерации друзей истины».

В. И. Ленин подчеркивал, что Маркс, беспощадно высмеивая «вздорность идеологических облачений», присущую, в силу ряда условий, тому или иному движению, «...старается материалистически-трезво определить его *действительное* историческое содержание, его неизбежные последствия, которые должны наступить в силу объективных условий, независимо от воли и сознания, мечтаний и теорий тех или иных лиц»¹.

Субъективно Фоме и его единомышленники организовали федерацию «друзей истины» для подготовки создания всемирной республики, союза свободных народов; субъективно Фоме и Бонвилль были противниками революционных мер борьбы с имущественным неравенством и мечтали о «социальном братстве», устанавливаемом мирным, «законным» путем. Но не это определило объективное, действительное историческое содержание и значение их деятельности. Его определило само содержание выдвигавшихся ими политических и социальных требований, плотно окутанных в эти «вздорные» идеологические облачения.

В чем же именно состояли эти требования?

Для характеристики их показательно прежде всего то, что мыслительный материал, некую общетеоретическую основу для выработки этих требований идеологи «Социального кружка» нашли прежде всего и главным образом в произведениях Руссо. Об этом говорит тот факт, что требования эти излагались, развивались Фоме в его многочисленных выступлениях (своего рода лекциях, докладах), посвященных последовательному и детальному изложению и критическому рассмотрению глав «Общественного договора». То цитируя и комментируя положения и выводы этого трактата, то свободно излагая их, Фоме первый в годы революции выступил перед массовой демократически-плебейской аудиторией с пропагандой учения о народном суверенитете, о верховных правах народа, первый развернул перед ней аграрно-уравнительную программу, начертанную Руссо.

При этом основные положения эгалитарной теории Руссо, представленные во взаимосвязи ее политических и социальных элементов, приобрели впервые именно в выступлениях Фоме и его единомышленников значение реальной программы политических требований, противопоставленной антидемократическому законодательству, осуществлявшемуся в это время Собранием в интересах захватившей власть крупной конституционно-монархической буржуазии². На положениях этой теории основывался Фоме, формулируя осенью 1790 г. социальные, аграрно-уравнительные требования своей группы, своих единомышленников.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 299.

² К сожалению, эти доклады и речи Фоме об «Общественном договоре» еще не обратили на себя должного внимания исследователей. Более подробно остановился на их содержании Олар в этюде, посвященном Фоме, в котором он, однако, оперирует выдержками лишь из некоторых его выступлений и не дает их общего анализа и оценки, ограничившись указанием на то, что это был «христианский социализм» (А. Aulard. *Les orateurs de la révolution*, t. 2, P., 1907, pp 108—131). Советский исследователь философии Руссо и ее роли в идеологической борьбе в период революции Б. М. Бернадинер, ссылаясь на русский перевод этой работы Олара (к слову сказать, совершенно неудовлетворительный), к сожалению, ограничился лишь упоминанием имени Фоме как одного из горячих сторонников Руссо (Б. М. Бернадинер. *Социально-политическая философия Жан-Жака Руссо*. Издание Воронежского университета, 1940, стр. 137).

Основные положения политической теории Руссо общеизвестны; не останавливаясь поэтому на том, как именно и в какой последовательности излагал их Фоже, покажем, какие он вносил коррективы в трактовку этих проблем. Соглашаясь с Руссо в том, что суверенитет, представляя собой общую волю, неотчуждаем и неделим, Фоже утверждал, что народ не может выразить свою волю без помощи определенных агентов. Таким образом, он, в отличие от Руссо, признал необходимость института народных представителей и обязательность повиновения принимаемым им декретам, за исключением таких, которые явно противоречат основам социальной справедливости. В то же время Фоже всецело разделяет мнение Руссо о том, что основные законы могут утверждаться лишь непосредственно самим народом, путем проведения референдума. Сами же народные представители должны быть ответственны перед суверенным народом в использовании власти, получаемой ими только от него.

Известно, что трактовка Руссо понятия монархии сводит функции главы исполнительной власти к осуществлению воли суверена, т. е. по сути дела Руссо под государством, управляемым согласно законам, принятым народом, имел в виду республику¹. Именно такой, пока еще скрытый, так сказать, потенциальный характер носит и республиканизм Фоже зимой 1790 г. Он подчеркивает, что лица, облеченные исполнительной властью, обязаны еще более строго, чем остальные граждане, подчиняться общей воле. Малейший акт исполнительной власти, предпринимаемый без воли народа, заявляет Фоже,— это нарушение суверенитета, и кто бы ни претендовал на право действовать таким образом — тот тиран.

Свое практическое выражение политическая позиция «Социального кружка» и основанной им федерации «друзей истины» нашла в их выступлениях в 1790—1791 гг. против антидемократического законодательства Национального собрания. Протестуя против законов о марке серебра, об отмене права петиций и др., эти организации вступали во все более тесный контакт с демократическими секциями, народными обществами и клубами (в особенности с клубом Кордельеров, с которым они были связаны через Бонвилля, игравшего там видную роль). Рупором протеста против узурпации политических прав богачами являлись газеты «Социального кружка».

Кульминационным пунктом в политической деятельности этих организаций явилась их роль как одного из основных идеологических и организационных центров демократического республиканского движения в период острого политического кризиса лета 1791 г. Именно газета кружка «Железные уста» явилась самым смелым поборником республиканской идеи, рассматриваемой как выражение демократической позиции «Социального кружка»². «Никаких королей (point de roi) — таков общий крик», — писала газета непосредственно после бегства Людовика XVI.

¹ Правда, он сам считал республиканский строй (т. е. сосредоточение исполнительной власти в руках нескольких ее представителей) подходящим только для государств с небольшой территорией. Однако это не мешало Энгельсу в целом характеризовать «Общественный договор» как республиканский (См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 463).

² Сколько-нибудь детальное освещение этого вопроса выходит за пределы темы настоящей статьи. Некоторые, впрочем, весьма отрывочные и неполные данные приведены А. Оларом («Политическая история французской революции». М., 1938, стр. 162, 166, 178, 179, 185). См. также «Annales révolutionnaires», 1934, № 76. Следует отметить, что федерация «друзей истины» стала также и первым во времени центром движения за политическое равноправие женщин. Однако созданная при цирке в Палат-Рояле феминистская организация носила ограниченный буржуазно-демократический характер, в отличие от позднейшего женского движения, находившегося под идейным воздействием «бешеных».

23 июня она в развернутой форме изложила свое требование республики. Редактор ее, Бонвилль, вкладывал в это понятие весьма широкое содержание. Он рассматривал республику как государство, управляемое волей народа, как правление народа. Бонвилль подчеркивал, что здесь именно важна форма, а не содержание, и называл республиканцами всех тех, кто борется за права народа¹.

Заметная роль «Социального кружка» как центра активной демократической оппозиции, направленной в начале революции прежде всего против абсолютистского режима, отмечена Марксом. В «Немецкой идеологии» Маркс высмеивает Макса Штирнера за утверждение, что не либеральные взгляды являются отображением, выражением реальных интересов буржуазии, а наоборот, Штирнер «основывался» на словах Балби (из его мемуаров) о том, что «те, кто были до сих пор подданными, приходят благодаря созыву Генеральных штатов к сознанию того, что они собственники». Вскрывая материальные корни идеологии, Маркс пишет, что в действительности собственники осуществляют этим (т. е. своим выступлением от имени нации) «сознание того, что они больше не подданные». Речь идет об отказе буржуазии вкладывать в понятие «подданство» содержание, утверждавшееся веками в абсолютистской монархии, где веками насаждалось столь характерное для нее понятие о «подданных» (sujets) как о людях, обязанных беспрекословно подчиняться своему «господину».

Выступая именно против такого понимания «подданства», Фоше и говорил накануне революции, как было отмечено выше, что не должно быть больше «рабов».

Анализируя далее сущность вопроса, Маркс указывает, что критика этого понимания «подданства» исходила до революции от весьма различных групп врагов абсолютизма. Это были, с одной стороны, физиократы, с другой стороны — те, кто развивал подобные взгляды не только в плане критики феодального абсолютизма, но и в «полемиической форме» против самой буржуазии, т. е. авторы сочинений, направленных против физиократов: Лейге, Мерсье, Мабли.

И далее Маркс пишет: «Это было тотчас же понято в начале революции, например Бриссо, Фоше, Маратом, в «сегле social» и всеми демократическими противниками Лафайета»².

Не претендуя на полное раскрытие содержания этой не совсем ясно выраженной мысли молодого Маркса, остановимся на ее аспекте, имеющем непосредственное отношение к интересующему нас вопросу.

Созыв Генеральных штатов означал начало конституирования представительного органа, в котором преобладание получили представители крупной конституционно-монархической буржуазии и тесно связанные с ними руководители наиболее влиятельных кругов либерального дворянства (Лафайетт).

С началом работы Штатов буржуазные собственники осознали, что они уже не «подданные в старом, феодальном понимании этого слова. Более того, они сами захотели стать правящей силой в государстве, его «хозяевами».

Таким образом, «демократические противники» Лафайетта, в частности деятели «Социального кружка», должны были направлять с осени 1789 г. свои требования политической демократии уже не против надломленной абсолютистской власти, а против той «касты богачей», о которой говорил Фоше в своей речи 25 ноября 1789 г.

¹ См. «La Bouche de fer», 1791, № 71, 72, 73.

² К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. IV, стр. 179.

Естественно поэтому, что в то время как идеологи буржуазии, выступая против феодально-абсолютистских порядков, критиковали сословное неравенство, сословные привилегии и ограничивались лишь требованиями формального равенства перед законом, леводемократические идеологи, выступив в начале революции против крупной буржуазии с требованием политического равенства, неизбежно приходили к более или менее решительной социальной критике, к критике имущественного неравенства. Эти идеологи должны были отправляться именно от той критики буржуазии, которая была дана в работах Ленге и Мабли.

Между тем мы знаем, что направленность мысли противников физиократов привела некоторых из них, например Мабли, к критике самого института частной собственности, поставила его в ряды авторов «прямо коммунистических» теорий XVIII в.

Таким образом, вдумываясь в приведенное выше замечание Маркса, мы приближаемся к более глубокому уяснению внутренней связи между демократической позицией «Социального кружка» и его руководителей, между их политическими требованиями и направленностью развития их социального мышления, эволюцией выдвигаемых ими социальных требований.

В связи с этим представляется уместным напомнить о том, что В. И. Ленин, анализируя развитие общественной мысли в России 60—80-х годов XIX в., отметил следующую особенность развития ее прогрессивного направления: силы демократии и социализма были в нем смешаны воедино в утопической идеологии и начали расходиться только тогда, когда на борьбу поднялись сами революционные классы¹.

Недопустимо было бы механически переносить это положение на отличные во многом условия развития стран Западной Европы. Тем не менее установление факта подобной теснейшей близости, «смешения» сил демократии и социализма в утопической идеологии в России помогает нам глубже понять закономерность близости между ними и в развитии этой идеологии на Западе, в частности во Франции, и притом не только в XIX в., но именно в период буржуазной революции конца XVIII в. Более того, оно помогает нам в данном конкретном случае проникнуть в причинные связи, существовавшие между характером политических, демократических требований «Социального кружка», «бешеных» и «бабувистов» и направленностью развития социальных требований идеологов этих организаций и течений в сторону решения социального вопроса на путях, выходящих за пределы идей «старого мирового порядка», т. е. порядка, основанного на частной собственности, в сторону критики самой этой собственности, вплоть до требования ее насильственного уничтожения. Маркс и Энгельс, подчеркивая в работах 40-х годов, что политические отношения между людьми являются в то же время и социальными отношениями, показали, что это проявляется в связи между политической программой крайнего плебейского крыла революционного движения и теми социальными требованиями, к которым оно приходит.

Совершенно закономерно поэтому, что именно «Социальный кружок» и его газета «Железные уста» стали летом 1791 г. одним из активнейших центров республиканского демократического движения, что с критикой формальной буржуазной демократии выступил в 1793 г. руководитель «бешеных» Жак Ру, что Бабеф и «Равные» были наиболее последовательными республиканцами². Выступая с требованиями широчайших

¹ См. В. И. Ленин Соч., т. 17, стр. 97.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 208.

политических прав, свободы для народа, Фоше и Бонвилль, Ру и Варле, Бабеф и Буонарроти развивали все более и более радикальную программу материальных гарантий этой свободы, видя их в тех или иных ограничениях или изменениях в размерах, а затем и в самом характере собственности, в обеспечении каждому человеку права на труд.

Переходя от характеристики политических, демократических требований, выдвигавшихся Фоше и Бонвиллем как идеологами «Социального кружка» в 1790—1791 гг., к социальным требованиям, пропагандировавшимся ими в цирке Палэ-Рояля, обратимся прежде всего к лежавшим в основе этих требований взглядам на причины возникновения и цели общества.

Здесь прежде всего бросается в глаза, что Фоше решительно расходится с Руссо в своих представлениях о характере изначальной природы человека. Видя в нем существо общественное уже по самой своей природе, Фоше рассматривает гражданское состояние (т. е. эпоху, когда существует общество) как продолжение и развитие так называемого естественного состояния, в то время как Руссо противопоставлял их друг другу.

Но Фоше отказывается признать в современном ему обществе осуществление тех целей, которые, как он ошибочно полагает вслед за Руссо, люди сознательно поставили перед собой при переходе из одного состояния в другое, заключая «социальный пакт». Современное общество — это хаос, постоянная борьба между людьми и войны между народами. Существующие законы содействуют разделению, изоляции людей друг от друга, лишают прав большинство из них, поддерживают «изобилие во дворцах и голод в хижинах». Религии превратились в орудия этой же политики меньшинства, так как они тоже «разъединяют людей своей жестокостью, нетерпимостью и цепями, которые они накладывают на человеческую мысль».

Мысля подобно своим учителям — английским и французским философам XVII и XVIII вв. — и многим современникам, Фоше всем этим результатам развития общества, вступившего на пагубный путь «войны всех против всех» и кровопролитных войн между народами, телеологически противопоставляет истинную цель общества, идеал, указанный людям природой, проверяемый рационалистической философией и освящаемый положениями раннего, «неиспорченного» христианства. Этот идеал заключается в торжестве принципа ассоциации, этого подлинного «источника всех благ», в торжестве взаимной любви, в обеспечении средствами существования всех членов общества. «Свободное пространство земли для труда свободного человека, великое братство людей на земле, преодоление вражды, которую сеют между ними дурные законы и испорченные религии», — вот чего требует, вот о чем мечтает Фоше. Когда осуществится этот политический, социальный и этический идеал — тогда «каждый человек спокойно ступит ногой на землю, которая должна его кормить, и от всего сердца обнимет брата, которого он должен любить»¹.

Мы полагаем, что было бы, однако, ошибочным связывать это требование «великого братства» людей, даже сопровождаемое религиозной аргументацией, исключительно с идейным обликом самого Фоше. Если бы это было так, если бы выступления Фоше не находили отклика в соответствующих (пусть даже весьма кратковременных) настроениях народных, плебейских масс Парижа, то он не приобрел бы той популярности,

¹ «La Bouche de fer», 1790, № VIII, стр. 116—121. Сходные с этим мысли развивал и Бонвилль в сочинении «О подлинных принципах ассоциации», прочитанном на сессии федерации «друзей истины». Свое авторство он открыл в 1791 г. (см. N. Bonville. De l'esprit des religions, ч. II, стр. 151).

которая выпала на его долю в период от взятия Бастилии до политического кризиса лета 1791 г.

Как нам представляется, подобного рода «мирный» идеал Фоше (да и Бонвилля) мог временно находить отклик у масс потому, что он совпал с тогдашними настроениями, иллюзиями «победителей Бастилии», участников первых побед над абсолютизмом, переживавших в конце 1789 и 1790 г. момент, напоминающий тот период революции 1848 г., когда парижский пролетариат в феврале упивался, по словам Маркса, «великодушным порывом всеобщего братства»¹. Якобинец Левассер в своих мемуарах рассказывает, что Париж в феврале 1790 г. был охвачен порывом первого энтузиазма. Одно общее чувство переполняло все сердца: идея освобождения нации и чувство завоеванного человеческого достоинства. Казалось, что они сблизят всех людей. Париж без малейшего преувеличения напоминал народ братьев в полном смысле этого слова².

Сошлемся также на весьма выразительное свидетельство Г. Форстера. По его словам, над сооружением огромного амфитеатра на Марсовом поле в июле 1790 г. с одинаковым рвением добровольно и бесплатно трудились «старики и молодые, мужчины и женщины, герцоги и поденщики, генеральный откупщик и чистильщик сапог, епископы и актеры, придворные дамы и рыночные торговки... крестьяне из окружающих деревень, художники и ремесленники пришли рука об руку под своими знаменами...»³. Обманутый, подобно самим участникам событий, этой картиной трогательного братства, Форстер был в это время убежден, что во Франции невозможна никакая контрреволюция, так как здесь все спокойно, все обещает лучший успех новым установлениям. Энтузиазм охватил все классы, их действия направлены на достижение общего блага и сказывается в пренебрежении личной выгодой⁴.

Во-вторых — и это, безусловно, самое главное — защищаемое Фоше требование «братства», наполняясь реальным социальным содержанием, как будет показано ниже, постепенно приближалось к плебейскому пониманию этого лозунга (итоговая формулировка его, не найденная еще в годы самой революции, гласила: «благосостояние всех на основе труда»).

Но массы только в период упоения первыми победами питали мирные иллюзии, а затем вновь и вновь поднимались на борьбу — уже не только против королевской власти, но и против ставленников крупной буржуазии. Фоше же, упорно стремясь примирить «евангелие с революцией», «религию со свободой», проповедуя «вечный закон любви и единения», был буквально заиглоритизирован своим идеалом «всеобщей любви». Таким образом, мы вправе говорить не только об известном анахронизме религиозной аргументации социального равенства в выступлениях Фоше, действовавшего среди масс городского населения. Важно подчеркнуть, что Фоше, опираясь на следы происхождения христианства как религии рабов и угнетенных, на тексты, свидетельствующие о первоначально присущих ему чертах социального протеста, понимал в то же время примирение евангелия с революцией как отказ от насильственных, революционных методов борьбы. А это означало, что, проповедуя возвращению к «неиспорченному», раннему христианству, Фоше фактически был увлечен именно теми его чертами (осуждение сопротивления злу насилем), которые были порождены в свое время слабостью угнетенных низов, а затем были использованы верхами для духовного порабощения масс.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, стр. 121.

² Mémoires de R. Levasseur (de la Sarte), t. I P, 1829, p. 28.

³ Forster. Ein Lesebuch für unsere Zeit. Weimar, 1953, S. 347.

⁴ Там же, стр. 348.

Как мы увидим, приближаясь к плебейскому пониманию сущности равенства, Фоме с первых же дней революции фактически осуждает плебейские, т. е. революционные, методы борьбы. А это привело летом 1791 г. к разочарованию масс в подобной проповеди, к падению популярности Фоме, к отходу от него ряда бывших единомышленников.

Таковы некоторые особенности аргументации, приводимой Фоме в пользу выдвинутого им от имени «Социального кружка» общественного идеала. Идеал этот не являлся в его представлении ни отвлеченным, ни недостижимым. Пользуясь им в качестве критерия, он дает оценку итогам революции, достигнутым к концу 1790 г. Так как принцип, цель вступления людей в союз, в сообщество — все для людей и для всех людей, то лучшими из законов и конституций являются те, при помощи которых люди теснее объединяются и пользуются наибольшей суммой благ, которую может произвести их союз.

Признавая «Декларацию прав» 1789 г. еще незавершенной, а законы, принятые Национальным собранием в 1789—1790 гг., «смешанными с заблуждениями», Фоме в то же время видит в них значительный шаг вперед в смысле освобождения от политических зол ненавистных ему дореволюционных, феодально-абсолютистских порядков «Человек еще не занял того места на земле, которое определено ему вечным законом любви и единения, но он вышел из темниц рабства, из замков деспотизма».

Буржуазное законодательство первых полутора лет революции могло в известной мере удовлетворять Фоме, Бонвилля и их единомышленников вследствие наличия в нем политической антифеодальной, антиабсолютистской направленности (хотя и вызывало с их стороны протест против его антидемократического характера). Наиболее резкое расхождение между руководителями «Социального кружка» и «новыми хозяевами» Франции — ставшими у власти конституционно-монархической буржуазией и либеральным дворянством — должно было произойти во взглядах на социально-экономические задачи революции. Группировавшиеся вокруг «Социального кружка» представители демократической интеллигенции в массе своей именно потому и стали учениками и поклонниками Руссо, что принадлежа, подобно ему, к мелкобуржуазным слоям третьего сословия, видели главную социальную задачу революции в уничтожении основы ненавистного им феодального строя и государства, в уничтожении крупной феодальной земельной собственности, сеньориального режима в деревне. И в этих своих взглядах они, как и их учитель Руссо, объективно выражали прежде всего требования многомиллионных масс французского крестьянства, поднявшегося в 1788—1789 гг. на решительную борьбу против феодального гнета.

В литературе не обобщались причины, в силу которых в революции 1789—1794 гг. на борьбу против крупного феодального землевладения и основанного на нем привилегированного положения дворянства и высшего духовенства должно было подняться не только крестьянство и городская мелкая буржуазия, но и городской плебс. Больше того, такие характерные черты социально-психологического облика плебса, этого незрелого, не сложившегося еще в класс для себя пролетариата XVIII в., как близость его психологии к построениям ремесленной бедноты, крестьянских масс, обусловили и определенную близость их социального идеала.

Рассматривая возникновение и развитие коммунистической идеи в ходе массового революционного движения как отражение в умах его идеологов положения трудящихся масс, как теоретическое обобщение (хотя и в виде элементов утопической, а не научной теории), драгоценного опыта,

приобретавшегося этими массами в ходе революции (опыта познания своих истинных врагов и друзей, познания своих собственных интересов и т. д.), мы поймем, почему развитие этой идеи не могло представлять собой простого «открытия» отвлеченных положений коммунистической теории, установленных еще до революции в сочинениях Морелли и Мабли. Мы поймем, что в прямом и точном соответствии с отмеченными выше особенностями облика плебейских масс процесс развития этой идеи должен был, прежде чем — в результате обобщенного опыта — прийти к конечным выводам, сформулированным названными выше мыслителями, пройти ряд промежуточных этапов, содержание и значение которых в этом плане еще очень мало изучено. Критика самого института частной собственности в период революции 1789—1794 гг. исторически развивается из критики социального, имущественного неравенства, из требования «собственности для бедняков», конкретно — из аграрно-уравнительных требований, которые, отвечая настроениям широчайших масс впервые стали широко пропагандироваться руководителями «Социального кружка» в многотысячной массовой аудитории демократического и плебейского состава в цирке Палэ-Рояля осенью 1790 г.

Развитие коммунистической идеи не могло не задерживаться наличием ряда слабых сторон во взглядах этих идеологов первого, начального этапа революционного движения, вызвавшего к жизни эту идею. Отмеченный выше идеалистический, мистико-религиозный характер их мировоззрения служил серьезнейшим препятствием к тому, чтобы в их представлениях о социальном идеале, о путях, ведущих к его осуществлению, сразу же отразились, раскрылись объективные коренные интересы трудящихся масс. Только на последующих этапах революции у масс появились идеологи и руководители («бешеные», Бабеф и бабувисты) сделавшие в своем развитии ряд шагов огромной важности в этом направлении.

Попытаемся определить причины, в силу которых на первом этапе этого движения должны были быть выдвинуты не только от имени многомиллионных масс крестьянства, но и от имени городских ремесленников и плебеев именно аграрно-уравнительные требования. Причины эти надо искать в источнике формирования плебейства, в наличии в период революции союза между ним и демократическим крестьянством, в отмеченных выше особенностях интересов плебейства и требований, обусловленных всей совокупностью его происхождения, жизни и борьбы.

Предпролетариат больших городов, сыгравший столь важную роль в революции, вобрал в себя всех отверженцев феодального и цехового общества¹. Источником его формирования исторически явилась, таким образом, дифференциация крестьянства, особенно усилившаяся в период разложения феодализма, и пролетаризация беднейших групп ремесленников. Естественно поэтому, что разнородной плебейской массе еще не только не были чужды аграрные требования крестьянства, но определенные слои этой массы должны были видеть и действительно видели в удовлетворении этих требований осуществление и своих чаяний². Именно так рассуждал в 1791 г. некий бедняк из Бреста, чье письмо в редакцию газеты «Социального кружка» мы приводим ниже.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 490. См. тут же указание Энгельса на важность изучения процесса образования этого класса как главной основы изучения истории возникновения и развития утопической коммунистической идеи в XVI—XVIII вв.

² Вспомним, что программа американских так называемых рабочих партий еще в начале XIX в. включала требование наделов земли, вспомним «земельное общество» чартистов и т. д.

Образование во время революции союза плебейства с демократическим крестьянством вызвано было наличием у них общих противников — феодального дворянства, его государства, католической церкви, угнетавших и эксплуатировавших оба класса. Поднятые революцией на борьбу против феодализма народные массы деревни и города стремились, естественно, самым решительным образом покончить не только с политическим господством «привилегированных», но и с самой его экономической основой.

Далее, поскольку в силу ограниченности масштабов формирования капиталистического уклада «общая противоположность» между всеми бедняками-тружениками и всеми богачами-тунеядцами не была еще ясно выраженной, то протест ремесленной и предпролетарской массы против имущественного неравенства мог вылиться прежде всего в протест против неравенства в обладании землей — этим главным средством производства в тогдашней, в основном аграрной, Франции. Равенство в обладании землей — требование чисто крестьянское, в то же время исторически явилось и первой формой представления о равенстве плебейства XVI, XVII и XVIII вв. Именно крестьянство и передало плебейству «уравнительство», порожденное индивидуально-крестьянским образом мышления требование раздела всех благ поровну.

Разница в понимании этого раздела заключалась в том, что более обеспеченные слои крестьянства представляли его себе в виде равного раздела самой помещицкой земли и передачи ее в мелкую частную собственность («черный передел»); беднейшее крестьянство склонялось к общинно-коммунистической собственности (именно это и отразил Мелье в своем «Завещании»). Для окончательно оформившегося лишь к 1796 г. плебейского понимания равенства (Бабеф) характерно требование передачи земли (как и других средств производства и орудий труда) в общественную собственность с последующим уравнительным распределением плодов совместного труда («общность имуществ и труда»).

Вот почему выдвинутое Фоме требование «свободного участка земли для свободного человека», будучи требованием антифеодальным, представляло собой в глазах ремесленного и рабочего люда Парижа в 1789—1790 гг. наиболее наглядную форму выражения протеста против всякого имущественного неравенства и как таковое привлекло внимание городской бедноты к тому, что происходило в цирке Палэ-Рояля.

В то же время можно с полной уверенностью утверждать, что эти круги остались совершенно равнодушными к проповедовавшимся здесь химерическим планам создания «всемирной республики».

Посмотрим, как именно конкретизировал Фоме выдвигавшиеся им социальные требования.

Сделано это было им в его шестой речи, «о земельном владении», произнесенной в начале ноября 1790 г. Опираясь опять-таки на соответствующий раздел текста «Общественного договора»¹, воспроизведя данное Руссо идеалистическое объяснение происхождения имущественного неравенства, Фоме воздавал должное этому мыслителю, «одним из первых понявшему вечное требование справедливости». «Да, каждый человек имеет право на землю,— провозгласил Фоме,— и должен обладать собственным участком, обеспечивающим его существование. Он получает право владеть им благодаря своему труду и его часть должна быть ограничена правами равных ему. В хорошо устроенном обществе все права общие: верховная общественная власть должна, таким образом, провести

¹ J. J. Rousseau *Contrat social, ou principes des droits politiques*, кн. I, гл. IX.

[разграничительные] линии [между участками], чтобы все имели кое-что и никто не имел бы ничего лишнего»¹.

Подобное право верховной власти вытекает из самой сущности общественного договора, или, как Фоже предпочитает его именовать, договора об ассоциации, конституирующего народ в соответствии с верховными велениями природы и равенства. При заключении этого договора «человек отдает себя полностью отечеству и все получает от него. каждый (из членов ассоциации) предоставляет ему свои права, силы и средства существования и получает свою долю участия в правах, силах, способностях, средствах существования всех. Результатом этого великого единства являются гармоническая мощь, полная безопасности и возможность пользоваться благами, приносимыми личными владениями (*jouissances personnelles*), вся сумма достижимого счастья, совершенное исполнение воли природы для счастья всех и каждого из людей»².

При сопоставлении содержания речи Фоже с текстом соответствующей главы «Общественного договора» на первый взгляд может показаться, что перед нами всего-навсего лишь простое воспроизведение положений и выводов эгалитарной концепции Руссо. Однако, как нам представляется, направленность этих положений, их смысл в общем контексте трактата и речи Фоже не совпадают.

Эгалитаризм Руссо — это стремление обеспечить максимальные гарантии сохранности, неприкосновенности мелкой частной собственности. Смысл, цель общественного договора, выгоды, даваемые им по сравнению с естественным состоянием, в его понимании и заключаются как раз в том, что человек по этому договору приобретает право собственности на то, чем он фактически обладает³.

Таким образом, Руссо видит главное преимущество существования общества в том, что только с его возникновением частные владения находят себе в законах защиту от права сильного. Становясь публично-правовым институтом, собственность становится «более прочной и невозвратимой (*irrevocable*)»⁴. Государство в том смысле становится по общественному договору хозяином имущества граждан, что оно «по-хозяйски» оберегает и укрепляет их собственность. Это — типичное буржуазное понимание смысла и цели создания общества и государства⁵.

Что касается Фоже, то он, приводя и развивая эти положения, делает ударение на том, что при заключении общественного договора право суверенитета распространяется с подданных на занимаемые ими земли, превращаясь, таким образом, в реальное право. «Используют ли люди, вошедшие в ассоциацию, сообща (*en commun*) площадь, достаточную для всех, разделят ли они ее между собой поровну или в каких-либо иных отношениях, установленных сувереном, право каждого отдельного человека на его собственный участок земли всегда подчинено праву, которое имеет община на все участки. Без этого не было бы ни прочности в отношениях между членами общества, ни реальной силы у верховной власти»⁶.

Для Фоже главное в этом положении именно то, что верховная власть народа не только имеет право принимать меры ослабления неравенства

¹ «La Bouche de fer», 1790, № 22, p. 346

² *Ibid.*, pp 346—347.

³ I I Rousseau. Указ. соч., стр. 251.

⁴ *Ibid.*

⁵ Понимание Руссо института частной собственности детально показано в названном выше исследовании В. П. Волгина «Уравнительные теории XVIII века» («Очерки по истории социализма», стр. 184—199), а также в работе Б. М. Бернадинера «Социально-политическая философия Жан-Жака Руссо» (стр. 76—85).

⁶ «La Bouche de fer», 1790, № 22, p. 350.

в виде, например, предлагавшихся Руссо законов против роскоши, но и на то, чтобы более энергично регулировать имущественные отношения.

Однако зимой 1790 г. Фоше в своих выступлениях еще фактически не выходит за рамки требования «собственности для бедняков», представляющей ему в виде обеспечивающего их существование неотчуждаемого участка земли.

Окрашенное, как мы видели, в ярко выраженные уравнилельные тона, требование это по своему классовому содержанию и представляет собой требование «черного передела». Вот почему советскими исследователями ¹ позиция «Социального кружка» в социальном вопросе в 1790 г. с полным основанием оценивается в свете указаний В. И. Ленина о революционной стороне, объективно присущей этому требованию, и об утопичности его как идеала социального равенства ².

Однако при этом необходимо внести следующее уточнение. В то время как крестьянство стремилось к насильственному пути уравнилельного раздела помещичьей земли, Фоше, решительно отвергая подобные меры, возлагал все надежды на постепенное и мирное осуществление аграрно-уравнилельных требований при помощи «осторожного», «мудрого» законодательства, на протяжении жизни данного поколения.

Фоше не определил содержания самих этих законов. В самой категорической форме он отверг возможность прибегнуть к так называемым законам о разделе, так как они «только берут у одних и дают другим, меняют местами богатство и нищету, не обеспечивая никому неотчуждаемости участка, необходимого для жизни... Это был бы яд, подносимый в качестве спасительного лекарства» ³. Подтверждением этого вывода служил ряд примеров из истории Спарты, показывающих, как в XVIII в. одни и те же факты из истории античности произвольно привлекались в качестве аргументов в пользу противоположных построений и схем. «Образцов нет ни в древней Греции, ни в Италии, они — в неизменной природе», предстоит поэтому впервые обосновать эти законы нормами естественного права.

Такова общая постановка вопроса о характере этих законов, из которой мы узнаем, чем они не должны быть и почему, каковы должны быть их исходные теоретические посылки. Об их конкретном содержании Фоше предоставил нам догадываться лишь по глухому намеку в его речи. Осудив насильственные меры, ведущие к уравнилельному перераспределению земли без превращения ее в мелкие неотчуждаемые участки, Фоше заявил аудитории: «Если вы желаете найти средства, действующие скорее, их может указать вам более уверенная рука, та, силу которой вы уже заметили в двух сочинениях, заслуживших ваше одобрение. Я видел его план, он мне показался восхитительным... Но одно только общественное мнение, которое нужно выяснить с величайшей осторожностью, может вынести решение в этом великом деле, с которым связаны совершенство законов и счастье человеческого рода» ⁴. В данное время мы не можем указать автора этого «плана». Но в связи с этим уместно привлечь внимание к фактам, свидетельствующим о наличии известной связи между «Социальным кружком» и аббатом Курнаном, автором сочинения «О собственности, или дело бедняка, защищаемое перед трибуналом Разума, Справедливости и Истины». Выяснить, выступал ли Курнан осенью

¹ См. «Французская буржуазная революция 1789—1794 гг» Под ред. академика В. П. Волгина и академика Е. В. Тарле. М.—Л., 1941, стр. 88—89.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 316—318; т. 18, стр. 326—330.

³ «La Bouche de fer», 1790, № 22, p. 347.

⁴ Ibid., p. 349.

1790 г. со своими сочинениями перед Федерацией «Друзей истины» пока не удалось, равно как и то, был ли он знаком в это время с Фоше. Но зато устанавливается косвенная и прямая связь его с кругом лиц, участвовавших в деятельности этой федерации¹, и его личное участие в ее собраниях весной 1791 г.², т. е. как раз в то время, когда издана была его работа, о которой сам Курнан сообщает, что она была закончена еще в конце 1789 г.³

В чем же состояло содержание сочинения Курнана? Ввиду того что оно не нашло в литературе ни полного, ни хотя бы краткого, но точного освещения⁴, остановимся на его основных положениях. Эпиграф к книге гласил: «Бедняк не будет вечно забыт; и его долгому терпению придет конец». До сих пор занимались собственностью богатых, теперь надо заняться собственностью бедняков. Не только право, но и долг Учредительного собрания издать законы о равном разделе всех годных для обработки земель между всеми жителями Франции, в результате чего на долю каждого из них придется 7 арпанов — около 3 га. Такой участок получит каждый гражданин после достижения 25-летнего возраста; до этого он должен заниматься ремеслом, торговлей или какой-нибудь иной профессией. Из этих 7 арпанов одну треть он должен будет отдать государству в общественный фонд, вместо уплаты продуктами или деньгами за пользование участком, четыре же арпана, свободные от налогового обложения, останутся в его распоряжении. Из общественного фонда будут выделяться дети при рождении; до 25-летнего возраста участком будет безотчетно распоряжаться глава семьи. Участки эти можно будет сдавать в наем, в аренду, но не продавать. Если новые собственники не смогут освоить предоставленные им неотчуждаемые наделы, то они могут быть оставлены в пользовании у бывших владельцев, и те будут получать с них доходы в качестве фермеров, арендующих эти участки у государства. Продукты с этой фермы⁵ они будут сдавать государственному приемщику, а тот, удержав предварительно одну треть на возмещение расходов по содержанию общественной администрации, распределит остальные две трети⁶ между теми лицами, наделы которых составляют территорию данной фермы.

Курнан, наивно веривший, что Собрание может осуществить его план, так как оно якобы не зависит от богатей, указывает, что если окажется невозможным провести его в жизнь немедленно, то можно это сделать постепенно, по мере вымирания нынешних собственников, т. е. тех аристократов, о которых он с насмешкой пишет, что для их детей было бы весьма полезно потрудиться на своем участке в 1,6 га.

¹ Например, с адвокатом Лантена — через образовавшееся в 1790 г. «Общество друзей союза и равенства в семьях»

² Автор отчета о собрании, на котором обсуждался вопрос о внебрачных детях, выражает надежду, что при продолжении обмена мнениями «бывший аббат Курнан возьмет слово», так как он заявил, что этот вопрос особенно касается духовенства («La Bouche de fer», 1791 № 35)

³ По словам Курнана, он не опубликовал тогда свою работу, так как боялся, что в то бурное время злоупотребление ее принципами могло вызвать новые беспорядки, т. е. из страха перед подлинным «черным переделом». Отметим, что книга Курнана была подписана инициалами «D C», раскрыла его авторство газета «Révolutions de Paris».

⁴ Впервые воспроизвел и ввел в научный оборот отрывки из книги Курнана Жорес. Изложение содержания книги у А. Олара неясно (см. «Политическая история французской революции», стр. 120)

⁵ Очевидно, лишь обусловленное арендным договором их количество, иначе прежним собственникам не будет смысла брать на себя обработку этих участков.

⁶ Вероятно, их стоимость в денежной форме

Вообще Курнан, как и Фоше, явно предпочитает, чтобы подобные преобразования происходили «медленно, без потрясений». Плоды, приносимые талантом, наукой и промышленностью, Курнан считает не подлежащими регулированию, ограничению. Он утверждает, что богатство владельца движимого имущества — точнее говоря буржуа — коренным образом отличается от собственности крупного (феодалного) землевладельца, «потому что счастье капиталиста не достигается ценой лишений и несчастья других людей», больше того, своей деятельностью он, по мнению Курнана, приносит счастье бесчисленному их множеству.

Сопоставляя содержание работы Курнана с известными нам уже взглядами Фоше, мы приходим к следующему выводу. Общим для них, видимо, является стремление к мирному пути ликвидации неравенства в обладании землей. Но налицо, как мы видели, и некоторые существенные различия.

Например, следует подчеркнуть, что явная апология буржуазной собственности, присущая Курнану, чужда взглядам Фоше, хотя, как мы сейчас увидим, и он отличал собственность аграрную, подлежащую постепенному уравнительному перераспределению, от результатов промышленной и торговой деятельности, требуя лишь известного регулирования размеров последних.

Не имея таким образом, достаточных оснований для того, чтобы признать именно в работе Курнана «план», приведший Фоше в такой восторг, мы, независимо от решения этого вопроса, вправе видеть в этом проекте один из вариантов решения аграрного вопроса, исходящий из среды лиц, близко стоящих к кружку и принимавших, очевидно, непосредственное участие в деятельности созданной им федерации «Друзей истины».

Независимо от того, действительно ли Фоше имел в виду «план» Курнана или он каким-то иным образом представлял себе осуществление выдвинутых им в ноябре 1790 г. аграрно-уравнительных требований¹, само значение его выступления очень велико.

Определяется оно отнюдь не новизной постановки вопроса. Оставаясь пока всецело в рамках чистого эгалитаризма, Фоше не шел практически дальше того, что требовал Руссо, а в смысле конкретности его выступления намного уступало проектам Госселена, молодого Бабефа и некоторым другим. Но дело в том, что, во-первых, все эти проекты, при всей их детализации, не могли найти до революции дорогу к широкой демократической читательской аудитории, во-вторых, в выступлении Фоше перед нами одно из первых (если не первое) открытое провозглашение аграрно-уравнительных требований² в условиях начавшейся буржуазной революции.

Не решенный еще в ноябре 1790 г. аграрный вопрос продолжал быть во всех своих охарактеризованных выше аспектах одной из наиболее

¹ Против выдвинутого нами предположения говорит тот факт, что в 1791 г. Фоше говорил только об ограничении законодательным путем крупных доходов, а не о перераспределении земельной собственности. Но если даже Фоше и не имел в виду проект Курнана, то и в этом случае рассмотрение этого проекта связано с выяснением содержания программы социальных требований «Социального кружка». Ибо, как было отмечено выше, Курнан в момент выхода в свет своей книги (весна 1791 г.) принимал известное участие в деятельности созданной кружком федерации «Друзей истины». Отметим, что имена Фоше и Курнана были явно чем-то связаны в восприятии современников. Так, например, их ставит рядом реакционный памфлетист Маршан в своей «поэме» «Якобинейда». (*La Jacobineide, poeme héroï-comi-civique*. P., 1792.)

² См. А. Манфред. Французская буржуазная революция конца XVIII в М., 1950, стр. 55.

жгучих проблем классовой борьбы, в которую вовлечены были народные массы и деревни, и города. Провинции были охвачены антифеодальными крестьянскими движениями.

Новым было наличие многочисленных плебейских элементов на первых собраниях «Друзей истины» в аудитории цирка Палэ-Рояля; ставшая возможной только после революции устная форма пропаганды уравнительных требований облегчала возможность усвоения ими этих идей, в то время как книга была для них в большинстве случаев недоступна. Политическая же, умственная активность ремесленных, плебейских масс в это время необычайно возросла, проявляясь в той жадности, с какой они воспринимали речи, в которых видели отражение своих смутных стремлений и чаяний. Продолжая страдать от бедности и угнетения, они стремились извлечь материальные выгоды из равенства, торжественно провозглашенного «Декларацией прав» и потому, естественно, были особенно восприимчивы к нападкам на имущественное неравенство. Брошенный в эту среду лозунг Руссо «Каждый человек имеет от природы право на все необходимое» воспринимался, вероятно, ими сначала в его «натуральной», аграрно-уравнительной форме, а затем осмыслился и в более общем виде, соответственно условиям их труда и быта. Именно этим и объясняется последующая эволюция понимания равенства у Фоме — от требования предоставить каждому члену общества участку земли к требованию обеспечить для всех возможность приложения своего труда, что должно гарантировать материальный достаток. Примером той новой жизни, которую получали в этих условиях выводы Руссо, может служить восприятие приводившихся Фоме его слов о том, что «закон всегда полезен собственникам и бесполезен для тех, кто ничего не имеет, — решительным образом противоречат природе общества». Тысячи «пассивных» граждан, теснившихся в цирке Палэ-Рояля, должны были видеть теперь в этом положении не отвлеченный вывод, а открытое обвинение по адресу новой «аристократии богатств», сменившей у кормила власти старых феодальных угнетателей.

Наконец, Фоме выступал теперь не как философ-одиночка, а в качестве «генерального адвоката истины» «Социального кружка», имевшего свой печатный орган, издательство, создавшего вокруг себя в Палэ-Рояле многочисленную организацию «Друзей истины». Широкое исполнение печатного слова помогло кружку в это время приобрести популярность в демократических и отчасти ремесленных и плебейских кругах Парижа и провинции.

Поскольку члены этой организации, единодушно одобряя содержание речи Фоме, присоединились к сделанным им выводам, в результате чего она и была опубликована на страницах газеты «Социального кружка», содержащиеся в ней аграрно-уравнительные требования перестали быть личными взглядами основателей и руководителей «Социального кружка», приобретали силу и значение программных требований этой организации в области социальных отношений, в частности силу значения ее требований по аграрному вопросу.

Дальнейшее развитие и уточнение социальных требований кружка наиболее отчетливо видно из содержания речей Фоме в феврале 1791 и в книге Бонвилля «О духе религий», изданной типографией кружка летом 1791 г.

¹ Они были посвящены рассмотрению главы XI второй книги «Общественного говора», в которой рассматриваются различные системы законодательства. Изложение этих речей дано в «Bouche de fer», 1791, № 19, 20.

В центре внимания Фоме — тезис Руссо, гласящий, что поскольку сила вещей всегда ведет к разрушению равенства — сила законов должна всегда быть направлена на его поддержание¹.

Только осуществление такого мудрого «социального» законодательства принесет свободу, в противном случае неизбежны пороки, нищета и, как следствие, порабощение одних членов общества другими². Вслед за Руссо Фоме считает, что достигнуть цели можно, лишь сближая крайности имущественного состояния. Кто сказал это — тот сказал все. Надо, чтобы повсюду законы обеспечивали каждому человеку достаточное существование (*une suffisante subsistance*), благодаря этой единственной мере не будет ни богачей, ни бедняков.

В то время как Руссо считал, что каждый из народов может выработать свою наилучшую систему законодательства, Фоме утверждал, что имеется лишь одна такая система, ведущая в согласии с велениями природы, с нормами естественного права к имущественному равенству. Какова же эта система? Та, которая обеспечит каждому человеку средства для существования в некоем среднем размере. Если все будут иметь необходимое — не будет ни богачей, ни нищих. Законы сделают невозможным скопление в чьих бы то ни было руках чрезмерного избытка, но они предусмотрят превышающий минимальный уровень обеспеченности для тех, кто проявит большее прилежание и мастерство в своей профессии. Наличие этого материального стимула предотвратит возможность застоя в развитии общества.

Эта цепь рассуждений приводит Фоме к следующему заключению: «Если конституция не обеспечивает каждому человеку достаточных средств существования (*une vie suffisante*) — то это значит, что здесь вообще нет никакой конституции, нет свободы!»³. А исходя из этого, идеолог «Социального кружка» делает вывод, чрезвычайно важный уже не в чисто теоретическом, а в политическом отношении; он отказывается признать законченной, совершенной конституцию, выработанную Учредительным собранием. «Нет, мы не имеем еще законченной конституции... она не будет завершенной и прочной до тех пор, пока всем немущим французам не будут обеспечены средства для хорошей жизни»⁴.

И далее Фоме конкретизирует содержание предлагаемых им законов. Общественный договор устанавливает взаимные обязательства членов общества. Поэтому подлинно «социальные» законы должны заставить богачей восполнить беднякам недостающие им средства существования, эти законы отберут для общего пользования избыток, приводящий лишь к порокам и нищете в государстве, даже к его разорению и гибели. Под избытком подразумевается все, что превышает необходимое. Когда абсолютно всем гарантирован определенный минимум — более прилежным и искусным предоставляется возможность достигнуть своим трудом более высокого уровня обеспеченности.

Далее Фоме, опираясь на положение Руссо о том, что труд есть обязанность общественного человека, развивает этот тезис, как определяющий отличительные особенности справедливого социального строя. Хлеб и другие плоды земли должны даваться только после окончания работы, праздных же закон ничем не будет обеспечивать («лень надо заставить умереть с голоду»). Если человеку дать объект, пространство (*espace*), к которому он может приложить свой труд, и обеспечить ему при этом

¹ J. J. Rousseau Указ соч, стр. 274, «La Bouche de fer», 1791, № 19, р. 299 и сл.

² «La Bouche de fer», 1791, № 19, р. 299—300.

³ Ibid., № 20, р. 306.

⁴ Ibid., № 20, р. 313—315

свободу, то нищих не станет, так как все будут работать, чтобы жить. Нетрудоспособные бедняки поступят на иждивение отечества, и это будет приятная и легкая ноша для будущего «социального братства»¹. Запомним это понятие, ибо именно в нем заключено то новое, что вносит теперь Фोше в формулировку социальных требований, выдвигаемых им от имени массы неимущих, бедняков, «адвокатом», защитником которых он себя называет.

«Прекрасный строй!.. Режим гуманный, свободный, осуществимый повсюду». При нем широко разовьются ремесла, земледелие, торговля и мореплавание и принесут изобилие без роскоши. Вся земля станет плодородной, богатство мира станет столь же велико, как и его население.

«Нужно, чтобы все жили,— это первая воля природы; нужно, чтобы все жили хорошо,— это единственная цель законодательства; нужно, чтобы все были свободны в распоряжении умеренным излишком сверх минимально необходимого»². Тогда жизнь станет трудовой и прекрасной, основанной на радостном достатке и мудрой, нерушимой собственности³.

В выводах из этой речи читаем: природа общественного договора (*pacte social*) требует, чтобы в силу законов все члены общества могли хорошо жить и чтобы каждый имел свободу распоряжения своими способностями во всем том, что не противоречит хорошей жизни других.

Истинное законодательство делает жизнь одинаковой (*rend la vie homogène*) во всем необходимом и осуществляет братское равенство в средствах существования.

Анализ этой программы представляет большой интерес, но в то же время и немалые трудности в связи с ее непоследовательностью, внутренней противоречивостью. Сопоставление ее содержания с речью о земельном владении, относящейся к ноябрю 1790 г. свидетельствует о существенных сдвигах в социальном мышлении Фоше. Там перед нами было отчетливо выраженное представление о равенстве как обладании участком земли. В феврале 1791 г. акцент переносится на истолкование понятия равенства и свободы как гарантии права на материальную обеспеченность. Тогда лишь намечалась тенденция к истолкованию прав суверена на распоряжение имуществом граждан в интересах общества — теперь Фоше очертил контуры того общественного строя, который возникнет после того, как суверен использует это право и ограничит рост богатства, а труд сделает обязательным. Пафос той речи были поистине «руссоистский». Осуществить требование равных участков земли для всех — это значило рассечь всю терригорию страны на отдельные клеточки, замыкающие в свои узкие границы каждый индивидуум. Имея в виду именно такое содержание этого требования, В. И. Ленин указывал, что «..социализм равенства есть последняя буржуазная иллюзия мелкого хозяина»⁴. Пафос речи, произнесенной в феврале 1791 г., — в провозглашении лозунга «социального братства», а эволюция социальных требований идеолога «Социального кружка», обусловленная сближением с плебейскими, неимущими массами, означает частичный переход его на позиции, объективно выражавшие интересы и настроения этих масс. А настроения эти изменялись все сильнее и сильнее в 1790—1791 гг. под влиянием опыта революции и разочарования в ее результатах. Буржуазное понимание свободы, равенства и братства наглядно раскрылось решительно

¹ «La Bouche du fer», 1791, № 20, p. 313—315

² Там же

³ Там же

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 318.

во всех направлениях законодательной деятельности Учредительного собрания. Рядом своих декретов (объявление так называемой свободной торговли хлебом, отмена законов, ограничивавших ростовщичество, введение новой налоговой системы, весьма выгодной для крупного капитала и т. д.) Собрание к этому времени показало, что оно всецело руководствуется принципами доктрины физиократов и предоставляет наконец-то крупной буржуазии столь желанную для нее «свободу» ничем не стесняемого обогащения, ничем не ограниченной эксплуатации. Содержание и направленность выработывавшихся им статей антидемократической, цензовой конституции говорило о том, что новые хозяева страны намерены упрочить свое исключительное политическое господство, лишив народные массы гражданских прав, увековечив их положение «илотов»

Отсюда выявленный Энгельсом глубокий, подспудно шедший процесс переосмысления революционных требований буржуазии и выражавших их лозунгов. В результате «...буржуазный смысл этих лозунгов, доведенный до крайности, обращался в свою противоположность»¹. Так с преобразованием окружающих обстоятельств шло среди плебеев «изменение самого себя», так постепенно рождались в их сознании «плебейские равенство и братство»². Энгельс указывает, что содержание этого братства не имело отчетливо выраженного характера. Только Бабеф придал ему определенную форму. В своих критических замечаниях на книгу Каутского Энгельс возражает против того, что плебейское требование равенства можно определить формулой «благосостояние для всех на основе труда»³. Однако если сначала плебеи примыкали к группам, требовавшим «собственности для бедняка», и видели гарантию благосостояния для себя в предоставлении собственности, то затем требования предпролетариата идут именно по линии преобразования общества на принципе обязательности труда и представления всем права на труд.

Таким образом, Маркс своим указанием на три этапа революционного движения, вызвавшего к жизни коммунистическую идею, и Энгельс⁴ в своих критических замечаниях на книгу Каутского показали формирование плебейского понимания равенства как процесс. Рассматриваемая под этим углом зрения позиция Фоше в начале 1791 г. представляется нам необходимым этапом этого процесса, отражавшим изменения взглядов участников революционного движения, вызванные самим ходом революции.

Особенно отчетливо видно это из того, что Фоше несколько месяцев спустя, уточняя свои требования к конституции, открыто настаивал на осуществлении статьи, провозглашающей долг отечества обеспечить всем грудоспособным беднякам средства существования путем предоставления им работы.

В этих нападках Фоше на конституцию 1791 г., в постановке вопроса о недостаточности буржуазного, формально юридического понимания свободы и равенства мы ощущаем как бы намек на гораздо более смелые выступления идеологов и руководителей плебейских масс в 1793 г., предвосхищение содержания известного выступления Жака Ру 25 июня 1793 г. с «манифестом» «бешеных», в котором говорилось, что свобода и равенство — только пустой призрак, когда одни люди могут безнаказанно заставлять других умирать с голода, когда богач, обладая монополией, пользуется правом жизни и смерти в отношении себе подобного.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 408.

² Там же.

³ Там же, стр. 409.

Однако, подойдя к грани, отделявшей мелкобуржуазное понимание свободы и равенства от плебейского, Фоме не перешагнул ее. Хотя частная собственность лишь глухо упоминается во второй его речи, но она как бы незримо присутствует, как бы подразумевается во всей характеристике будущего «свободного строя», поскольку Фоме не только ничего не говорит о ее ликвидации, а, напротив, называет ее наряду с трудом в качестве одного из главных устоев будущей организации общества.

Опять-таки и эта непоследовательность определяется все той же связью между развитием идеологии политических деятелей и объективным положением данного класса в системе производственных отношений, определяющим и уровень его сознания.

Известно, что источники, раскрывающие перед нами характер сознания плебейских и крестьянских масс, крайне немногочисленны. Поэтому особенно ценно появление на страницах газеты кружка, сейчас же вслед за февральской речью Фоме, письма читателя из Бреста. «Я родился бедняком, я никому не известен, я не плачу марки серебра, я не имею права занимать какую-нибудь общественную должность, но и у меня есть сердце, и я посылаю вам искреннее уважение друга истины»¹, — писал он редакции. Далее автор письма рассказывал о том, как он, достав комплект газеты, убедился, что излагавшиеся там взгляды совпадают с его собственными. Его пугали тем, что он найдет в ней коммунистические требования (на своем неуклюжем языке он называет это «общность людей»), а он им не сочувствует. Его план сводится к тому, чтобы осуществить законы, ограничивающие размер земельных владений, передаваемых по наследству, создать фонд, из которого каждый человек, вступив в жизнь, получит небольшой неотчуждаемый участок земли. Я думаю, писал он, что надо устроить таким образом, чтобы рано или поздно по закону о наследовании (который не нарушает ни неприкосновенности промышленной собственности, столь мало уважаемой, ни крупных земельных владений, столь пагубных для государства) можно было бы привести нацию к декретированию конституционным путем, что каждый человек в будущем сможет рождаться равным в правах себе подобным, уверенный в том, что он, вступая в жизнь, найдет небольшой неотчуждаемый участок.

Множество известных нам фактов говорит о том, что в сознании массы бедняков в начале 1791 г. не была распространена идея уничтожения частной собственности. Для понимания сущности и значения социальных требований, пропагандировавшихся в этих условиях идеологами «Социального кружка» в конце 1790— начале 1791 г., для понимания коммунистической идеи в период буржуазной революции необходимо самым тщательным образом учитывать глубочайшие, коренные различия между содержанием (а, значит, и происхождением) этой идеи и учением научного социализма. Характернейшей чертой грубого, примитивного коммунизма рассматриваемого нами периода является присущее его теоретикам (Бабеф) представление о равенстве, как о строго уравнительном распределении между членами общества результатов совместного труда. Маркс и Энгельс самым решительным образом отвергли эти представления и научно обосновали принципы распределения на двух — низшей и высшей — фазах построения коммунистического общества.

Уравнительность коммунистической идеи XVII и XVIII вв. и обусловлена особенностями генезиса ее, т. е. преемственной связью с требованиями уравниния состояний, еще не подразумевавшими уничтожения самого института частной собственности.

¹ «La Bouche de fer», 1791, № 20, p. 315.

В связи с этим, как нам представляется, при исследовании процесса развития этой идеи в конкретных условиях французской буржуазной революции конца XVIII в., заслуживает особого рассмотрения характеристика «грубого коммунизма», данная Марксом в его «Экономическо-философских рукописях». Хотя здесь речь идет безусловно о коммунистических теориях, распространенных в период возникновения этих рукописей (1844 г.), но, во-первых, эти теории были тесно связаны со своими предшественницами конца XVIII в., а во-вторых, те черты незрелости грубого коммунизма 40-х годов XIX в., которые критикует Маркс, та связь этих идей с «жаждой нивелирования», которую он в них устанавливает, по вполне понятным причинам еще более типичны для развития коммунистической идеи в период буржуазной революции конца XVIII в.

Рукописи эти представляют собой, как известно, лишь наброски некой незавершенной работы, дошедшей до нас в виде отдельных отрывков. Время их возникновения говорит о том, что они относятся к тому периоду идейного развития молодого Маркса, когда он, по выражению В. И. Ленина, только еще становился Марксом, т. е. основоположником теории научного социализма. Но ни одно из этих обстоятельств, думается нам, не освобождает исследователя развития домарксистской коммунистической идеи от обязанности глубоко вникнуть в содержание отрывка этих рукописей, озаглавленного при опубликовании «Частная собственность и коммунизм»¹ и до сих пор не привлекавшегося к рассмотрению данных вопросов. Предпринять подобную попытку нас побуждает в данном случае и пример, поданный историкам экономистами, предпринимателями обстоятельное изучение ранних работ Маркса и Энгельса².

В названном выше отрывке Маркс критикует современных теоретиков грубого коммунизма за ограниченность их представлений, за то, что они все еще мыслят понятиями, порожденными социальными отношениями старого, т. е. частнособственнического, порядка вещей. Именно этим объясняется то, что для них общественная собственность — это частная собственность, распространенная на всех членов общества, что единственной целью жизни для них является непосредственное обладание. А такое обладание они видят только во владении на основе частной собственности. Мы знаем, что так и только так мог выглядеть социальный идеал неимущих слоев населения французских городов в начале революции (требование «собственности для бедняков»), не говоря уже о крестьянстве. Вот почему, по словам Маркса, грубый коммунизм представляет собой «завершенную форму» порождаемой мелкой собственностью (крестьянина, ремесленника) «жажды нивелирования, установления равного для всех минимума», вот откуда характерная для его представлений о социальном равенстве людей «определенная ограниченная мера».

Совершенно естественно возникает вопрос, почему, вырастая как бы из одного корня, это стремление к нивелированию размеров частной собственности в дальнейшем, «разветвляясь», развивается в двух различных, более того — в противоположных направлениях. В одном случае оно порождает мелкобуржуазный эгалитаризм Руссо и примыкающие к его идеям аграрно-уравнительные проекты XVIII в., не выходящие за пределы старого, частнособственнического порядка вещей. В другом случае перед нами процесс «постепенного» «перерастания» в уравнительную, но коммунистическую теорию Бабефа и «Равных». Это явление

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 618—623.

² См. Д. И. Розенберг. Очерки развития экономического учения Маркса и Энгельса в сороковые годы XIX века. М., 1954, стр. 138—147.

обусловлено всем ходом исторического развития. По мере складывания капиталистического уклада в недрах феодального общества, по мере формирования предпролетариата не только углубляется противоположность между всеми (независимо от их сословной принадлежности) богатыми тунеядцами и трудящимися бедняками, но все отчетливее проявляется противоположность между трудом и капиталом. Экспроприированные пролетаризованные массы плебейства, лишившись собственности, начинают видеть путь ее возвращения в обеспечении работой всех нуждающихся, в ликвидации паразитарных классов посредством превращения труда в обязанность каждого члена общества. Идя именно этим путем, идеологи предпролетариата приходят к требованию не только «общности труда», но уже и «общности имущества». Как мы видели, к февралю 1791 г. Фожу успел проделать лишь первую половину этого пути, отделявшую мелкобуржуазное понимание равенства от плебейского.

Маркс отмечает наличие соответствующей черты во взглядах и представлениях грубого коммунизма 40-х годов, для которого коллективность — это общность труда, становящегося обязательным, и равенство заработной платы. Наконец, содержание данного отрывка «Экономическо-философских рукописей» помогает нам глубже понять причины следующего явления. В отвлеченно-теоретическом виде представления о коммунистическом обществе были развиты Морелли и Мабли еще задолго до революции.

Между тем революционное движение, на три этапа в развитии которого указал Маркс, вызвало к жизни коммунистическую идею, не опираясь непосредственно на эти уже готовые выводы, а пройдя сложный путь своего идейного развития. Объясняется это именно тем, что, как подчеркивает Маркс, пока противоположность между собственностью и отсутствием ее не выступает как противоположность между капиталом и трудом, она не воспринимается еще как действенное внутреннее противоречие, заложенное в самой частной собственности и требующее ее уничтожения. Мы знаем, что созревшие (конечно, лишь до определенной степени) в предреволюционной Франции, эти противоречия прикрывались, маскировались наличием главных противоречий — между всеми элементами третьего сословия и «привилегированными». Но именно в специфических условиях буржуазной революции, в условиях общенародного натиска на феодальную собственность, когда власть захватила «каста богачей», создались новые, благоприятные условия для того, чтобы противоположность между собственностью и отсутствием ее могла более отчетливо выступить как противоположность между капиталом и трудом, между плебейством и буржуазией. А это и повело в дальнейшем к тому, что путь к уничтожению этой противоположности между бедняками-трудящими и тунеядцами — обладателями капитала должен был быть найден в выводе о необходимости уничтожения корня этого зла — самой частной собственности. Отсутствие достаточной почвы для критики частной собственности в положении самих трудящихся масс не означало, однако, что теоретик, идеолог революционного движения, становясь на позиции защиты интересов этих масс, не мог развить эту идею, углубляя выдвинутые им уравнивательные требования и опираясь при этом на мыслительный материал, содержащийся в произведениях авторов коммунистических теорий дореволюционной эпохи.

Трудность этого шага, помимо отмеченных выше причин, коренившихся в неразвитости капиталистических отношений и обусловленной этим незрелости сознания предпролетарских масс, усугублялась, несомненно, также и тем сопротивлением, которое оказывали представители различ-

ных собственнических групп формированию и распространению идей, упрощавших (косвенно или прямо) неприкосновенности частной собственности. Об ожесточенности этого сопротивления можно судить по тем яростным и многочисленным нападкам, которым подвергались в клубах, на страницах газет и т. д. «Социальный кружок», федерация «Друзей истины» и их руководители после того, как там в ноябре 1790 г. были открыто провозглашены не коммунистические, а лишь аграрно-уравнительные требования.

Охарактеризованные выше политические и социальные требования идеологов «Социального кружка», поддержанные несколькими тысячами членов федерации «Друзей истины», представляя собой объективное отражение тяжелого, угнетенного положения масс крестьянства и плебейства, в конечном счете порождены были упорной борьбой этих классов против нищеты и политического бесправия, борьбой, достигшей своего высшего напряжения именно в годы революции. В постоянной борьбе классов и классовых групп протекали и формирование и распространение этих взглядов.

Необходимо прежде всего отчетливо представить себе те основные направления, в которых развивалась эта борьба. А для понимания того, кто и с каких социальных позиций напал на «Социальный кружок», необходимо учитывать, что пропагандировавшиеся им социальные требования вызвали ожесточенные нападки не только со стороны открытых врагов революции — представителей роялистской и клерикальной контрреволюции, но и со стороны идеологов различных групп буржуазного лагеря — от конституционно-монархических групп буржуазии и либерального дворянства до тогдашнего якобинского клуба.

Главным пунктом обвинений, выдвинутых против федерации «Друзей истины», было то, что там открыто проповедуется «аграрный закон». Роялистские журналисты особенно испугались того, что Фоше стал «проповедником рынков», что цирк Палэ-Рояля, превратившись в один из активных центров демократической общественной мысли, притягивал к себе все более и более широкие слои ремесленного, плебейского населения центральных секций Парижа. «Наплыв в общество «Друзей истины» очень велик, — писал один из них, — там проповедают, занимаются политикой, вносят предложения, отвечают на них...»¹. «Journal de Paris» в конце 1790 г. назвал этот цирк «новым вулканом», открывшимся в центре Парижа, а его кратером (буквально — «уста́ми») — газету «Bouche de fer». Продолжая эту игру слов, газета называет орган кружка «уста́ми ада» (bouche d'enfer). Руководители кружка смело отвечали на сыпавшиеся на них нападки, убедительно вскрывая при этом их подлинную подоплеку. Так, например, Фоше раскрыл облик автора этой статьи в «Journal de Paris»; это был аббат, у которого во время революции было конфисковано крупное земельное владение; его участие в антиконституционных происках, очевидно в какой-то роялистской интриге, было разоблачено на страницах газеты кружка, систематически публиковавшей корреспонденции, клеймившие реакционное духовенство как одного из главных врагов революции.

Представителям клерикальной и роялистской контрреволюции не уступали в своей злобе идеологи конституционно-монархических кругов

¹ «La Bouche de fer», 1791, № 56, pp. 280—281. Здесь речь идет о распространявшемся на границах Франции роялистском листке «Correspondence secrète de Neuvièd», тут же рассказывалось о сожжении в цирке первого номера «Journal de la ville et de la cour», в котором Meude de Маираз дурно отзывался о Фоше — основателе кружка **и** prédicateur des halles.

буржуазии и дворянства. Наиболее «развернутую» форму носило нападение на кружок со стороны Ф. Лагарпа и Малле дю Пана. В ряде статей в редактировавшемся ими еженедельнике «Mercure de France» Лагарп подверг критике и осуждению всю систему философских взглядов и общественно-политических и социальных требований руководителей и идеологов кружка. Особенную ненависть с их стороны вызывают пропаганда идеи народного суверенитета и «аграрный закон», проповедуемый, по словам Лагарпа, систематически в цирке.

Именно это привело к полному разрыву между «Друзьями истины» и Анахарсисом Клоотсом, одно время посещавшим их собрания¹. 4 апреля 1791 г. Клоотс писал Фоше из Афин: для нахождения «квадратуры социального круга» вы предлагаете устроить так, чтобы все бедняки имели кое-что и ни один богач не имел ничего лишнего. Если это не «аграрный закон», если вам известны другие (т. е. не насильственные) средства, то почему вы держите их в тайне?² Ответ Фоше позволяет уточнить содержание его взглядов. Наша цель, пишет он от имени «Социального кружка», не то, что в древности называли «аграрным законом». Но мы не можем рассказать о наших средствах, так как сначала должен быть полностью осуществлен суверенитет народа, ибо до тех пор свобода будет только громким, но пустым словом. Только тогда настанет время говорить и быть услышанным, тогда мы и изложим простые и мирные средства, обеспечивающие всем людям жизнь в достатке.

Именуя себя адвокатом, защитником бедняков, Фоше сообщает, что ему известно несколько таких средств, ведущих к великой цели — действительному освобождению людей от порабощения их богачами.

Средства эти отличаются своей мягкостью и не требуют перемещения ни одного вида собственности из рук ее нынешних владельцев. Придется лишь внести изменения в их доходы. «Но ведь не воображают же, конечно, что можно будет попрежнему предоставить богачам пользоваться всеми благами земли, а бедняков обеспечить продуктами с Сатурна? Люди должны получать средства к жизни оттуда, где они живут»³.

Что же мог иметь в виду Фоше? Вероятно, либо дальнейшее развитие законов об ограничении размеров земельных наследств⁴, либо введение прогрессивного подоходного налога⁵, а возможно и комбинацию обоих средств.

Меняют ли эти оговорки объективную сущность выдвинутых ранее аграрно-уравнительных требований? Нам думается, что нет. Выбирая мирную тактику, Фоше и Бонвилль все равно преследовали именно ту цель, которая выражена была в понятии «аграрный закон», — ликвидацию (пусть даже постепенную) феодального режима, феодального строя. Ибо совершенно естественно, что для дворянина лишиться своих крупных доходов с земли было равносильно потере земли, поскольку сама по себе она не представляла для него ценности.

Пусть Фоше настаивал не на полном равенстве, а лишь на «равномерном распределении благ», все равно он, улавливая связь между крайностями нищеты и создаваемым за этот счет «чрезмерным избытком», «роскошью», фактически восставал против самой основы неравен-

¹ См. об этом G. Avenole. Anacharsis Cloots, t. 1, P., 1865, кн. III, IV.

² «La Bouche de fer», 1791, № 35, p. 92.

³ Там же, № 37, p. 109.

⁴ С таким предложением, как показано ниже, выступил Бонвилль летом 1791 г.

⁵ На наличие такого рода мысли у Фоше указывает Э. Шампюан в своей статье «Ж. Ж. Руссо и собственность», но не приводит никаких фактических доказательств («La Revolution française», 1907, t. LVI, январь, стр. 16—17).

ства в феодальном обществе. «Достаточно того, что я человек из народа, чтобы быть чудовищем в глазах моих врагов... они мне никогда не простят того, что я сказал, что это аристократы распяли Иисуса Христа»¹, — писал он корреспонденту газеты кружка из департамента Ниевры. «Я защитник и друг бедняков и горжусь этим, заявлял Фоше. Но можно ли быть человеком и не стать их другом? Только бездушный злодей может видеть, как продолжает существовать этот адский режим, при котором насчитываются миллионы несчастных, не имеющих хлеба, хотя они просят работы, чтобы приобрести его, а десятки людей обладают бьющим в глаза, вызывающим богатством, и если это им будет угодно, дают этим несчастным парцеллу за их работу»².

Значит, и объективно и субъективно для руководителей «Социального кружка» «врагом № 1» были «аристократы», т. е. феодалы, а «адский режим» — феодальный режим, страстно осуждавшийся на заседаниях «Социального кружка» и на многотысячных собраниях «Друзей истины».

Однако сказать только это — значит охарактеризовать лагерь их врагов неполно и потому неточно. Незрелость противоположности между всеми богачами и всеми бедняками отнюдь не означает, что в 1790—1791 гг. не углублялось обострение отношений внутри самого общего противника — феодально-абсолютистского режима, незрелость самих капиталистических отношений, обусловившая идейную и организационную слабость тогдашних рабочих, временно сдерживали этот процесс. Но, являясь в то время орудием в руках буржуазии в ее борьбе за буржуазные цели, плебейские массы, будучи одной из решающих сил в этой борьбе, проявляя в ней величайшую активность и героизм, не могли оставаться и не оставались пассивными, безучастными к собственному бедственному материальному положению, к своему политическому бесправию.

Страстные нападки на богачей-феодалов, наподобие примера, приведенного выше, воспринимались ими по-своему. Они не могли не откликнуться на них, видя в этих выступлениях решительное осуждение всякого проявления вопиющих имущественных контрастов не только между роскошью королевских дворцов, феодальных замков и хижинной крестьянина, но и между их, ремесленников и плебеев, нищетою и голодом и богатством мануфактуристов, откупщиков, торговцев, банкиров. Отсюда рост популярности собраний в цирке именно среди этих слоев населения Парижа, а частично и провинции. Отсюда же и ненависть к этим собраниям, ко всей деятельности кружка со стороны представителей всех тех групп буржуазии, которые отстаивали полную неприкосновенность «священной» буржуазной частной собственности и решительно осуждали революционные, демократические методы уничтожения крупной феодальной земельной собственности в момент, когда аграрная революция бушевала по всей стране.

Из буржуазных газет первой с доносом на кружок и федерацию «Друзей истины» выступила «Газета клубов», подстрекавшая якобинцев к нападению на эти организации. Вот что она писала: «В глубине сада, в цирке, этом месте, предназначенном для развлечений и празднеств, обосновался человек в железной маске. Он расставил там свои сети и, находясь в их центре, ждет, когда в них попадут те, кого он намерен превратить в орудие осуществления своих планов... Используя в самых злонамеренных целях свои таланты, он проповедует аграрный закон и

¹ «La Bouche de fer», 1790, № 27, р. 424.

² Там же, № 29, стр. 459.

гремит против королевской власти...»¹. Неизвестный автор статьи призывал всех тех, кому доверено поддержание порядка и исполнение законов, всех друзей конституции наблюдать за этим опасным человеком, которого он сравнивает с Кромвелем. Оставим в стороне искусственность подобного сопоставления. Для нас в данном случае важно, какого рода основания находил для него представитель конституционно-монархической, охранительно настроенной буржуазии. По его словам, Кромвель, как и Фоше, стремился к тому, чтобы стать епископом: потерпев в этом неудачу, он выступил в роли реформатора. Подонки (*écume*) английского народа считали его пророком, и он этим воспользовался.

Значит, и Фоше автор статьи ненавидит именно за то, что тот был в это время фигурой, наиболее популярной именно среди «низов», «подонков» населения Парижа, т. е. среди его бедняцких, плебейских масс. Он обещал в ближайшем будущем разоблачить то «подземелье»², в котором действует Фоше, и те «уста», через которые он разливает свой яд, т. е. сам «Социальный кружок», созданную им в цирке Палэ-Рояля федерацию «Друзей истины» и газету кружка «Железные уста», популяризовавшую выступления Фоше.

Обращаясь к «друзьям конституции», автор этого доноса делал намек, весьма понятный для любого читателя газеты: он имел в виду общество, носившее это название, т. е. Якобинский клуб. До этого отношения между этим клубом и федерацией «Друзей истины» носили вполне дружественный характер. Демулен, Гупиль де Префельн, Шабру вошли в ее состав и принимали активное участие в заседаниях³.

Но все это осталось в прошлом, когда обнаружилось аграрно-уравнилельные требования основателей федерации, когда ее популярность выросла в Париже и стала распространяться в провинции.

Не забудем, что тогдашние руководители клуба, те деятели, которые задавали там тон в конце 1790 г., очень далеко стояли от будущих «якобинцев с народом». «Газета клубов» обвиняла федерацию «Друзей истины» в том, что она выдвинула принцип, согласно которому «люди, будучи равными в правах, должны быть равными во владении». Но многие члены Якобинского клуба, несомненно благодаря наличию отмеченных выше связей с федерацией, уже до этого знали о содержании речи, произнесенной там Фоше Шодерло де Лакло, автор известного романа «Опасные связи», будучи назначен редактором газеты клуба, выступил с нападка на «Друзей истины» уже в первом ее номере, появившемся 21 ноября 1790 г.⁴ Не довольствуясь этим, он 29 ноября в своей речи в клубе предъявил этой организации и ее руководителям внушительный обвинительный акт, рассчитанный на их полную дискредитацию в глазах представителей буржуазного общественного мнения.

Тягчайшие обвинения заключались в том, что члены федерации, во главе с Фоше, «спешат извлечь следствия из принципа равенства прав, выводя из него аграрный закон»⁵ (*en pressant les conséquences du principe de l'égalité des droits, faisait découler la loi agraire*) и, во-вторых, стремятся к соперничеству с Якобинским клубом. Обвинения эти были поддержаны рядом других членов клуба. Пытавшийся выступить в защиту

¹ «Journal de clubs ou sociétés patriotiques», 1790, № 1

² Пол в здании цирка находился значительно ниже уровня земли.

³ Гупиль де Префельн был избран первым председателем, Демулен выполнял обязанности секретаря, в частности именно на том заседании, на котором Фоше выступил с речью о «земельном владении»

⁴ «Le Journal des amis de la Constitution», 1790, N 1.

⁵ См. «Révolutions de France et de Brabant», 1790, № 54, p. 50.

«Социального кружка» Демулен (положение которого в данном случае было весьма щекотливым) был освистан. Содержание так и не произнесенной им речи он изложил в редактировавшейся им газете¹ Основные пункты этой «защиты» — скорее ее следовало бы назвать «самозащитой» — находились между собой в явном противоречии Демулен утверждал, что между доктриной кружка и доктриной Якобинского клуба будто вообще не существует никакой разницы, а это, как мы знаем, явно не соответствовало действительности. В то же время, не имея никакой возможности отрицать получивший уже широкую огласку факт выступления Фоше перед многотысячной аудиторией с аграрно-уравнительными требованиями, он пытался доказать, что эти последние выражали исключительно личные взгляды самого Фоше, не разделявшиеся ни членами кружка, ни представителями руководства «Федерации друзей истины» — членами ее «директории», ни аудиторией, собравшейся в цирке, которая вследствие этого якобы и освистала Фоше² Но тот в своем ответе решительно опроверг это утверждение, заявив, что речь его была выслушана с глубоким вниманием и прерывалась изредка и то лишь знаками одобрения³.

18 декабря 1790 г. Якобинский клуб обратился с печатным письмом к присоединившимся обществам в провинции, в котором опровергался слух об объединении его с «Федерацией друзей истины» и подтверждалось, что он не изменил ни своих принципов, ни места своих собраний⁴.

Разрыв этот весьма показателен. Вспомним, что в период своего пребывания у власти робеспьеристское ядро якобинцев не отменило закона о наказании смертной казнью за пропаганду «аграрного закона».

Когда появилась газета «Золотые уста», само название которой говорило о намерении ее издателей бороться с «Железными устами» — органом кружка, Фоше писал: «Золотые уста объявляют нам войну.. Слабым голосом они кричат, что раздавят нас, — но нас не испугали пушки Бастилии — башни деспотизма пали»⁵. Однако мы полагаем, что в действительности дело обстояло не совсем так. Хор враждебных голосов, раздавшихся со всех сторон после первых же программных выступлений Фоше, не мог не задержать развития взглядов руководителей кружка

Если такие нападки вызвали в конце 1790 г. требование «равномерности состояний», то можно себе представить, какого рода буря поднялась бы в случае открытого нападения на саму частную собственность.

Таковы были влияния и условия, которые сдерживали процесс радикализации социальных требований кружка, тормозили рост наметившегося в них в начале 1791 г. сближения с плебейским пониманием свободы и равенства. Последнее (равенство) должно было явиться не только средством обеспечения политических прав для бедняков (которых они тоже были лишены!), но и материального обеспечения, путем предоставления всем работы и ограничения законодательным путем скопления крупных состояний в одних руках.

Олар, ошибочно характеризуя выдвинутые Фоше в ноябре 1790 г. аграрно-уравнительные требования как «социализм», совершенно прав, когда пишет, что это выступление «обратило в бегство последних друзей Фоше». (Следовало бы только при этом подчеркнуть, что речь идет о его

¹ «Révolutions de France et de Brabant», 1790, № 54, A. Aulard. «La société des jacobins», t I, [P], 1898, pp 392—398

² «La Bouche de fer», 1790, № 29, p 451

³ Там же, 1791, № 4, стр 49—63

⁴ A Aulard La société des jacobins, t I, p. 420.

⁵ «La Bouche de fer», 1790, № 29, p. 451.

буржуазных друзьях. Впрочем, именно об этом и говорят приводимые Оларом и освещенные нами выше факты.) «В клубе 1789 г. сторонники Лафайета были скандализированы: у якобинцев нахмурились брови. Эти теории казались в 1790 г. всюду подозрительными, преждевременными. Руссо их едва наметил: пришло ли время делать выводы из мыслей учителя? Не было ли это маневром аристократии, контрреволюции — вызывать таким образом тревогу среди собственников и возбуждать надежды бедняков»¹.

В полном соответствии с фактами Олар подчеркивает, что Фоме имел «подлинное влияние на массу. Конечно, эти рабочие, торговцы, парижские мелкие буржуа, теснившиеся в цирке, были чересчур люди своего времени, чтобы воспринимать, при посредстве оратора, христианскую благодать, они оставались философами, несмотря на аббата: но эти слова любви и братства заставляли биться их сердца, им казалось, что в Фоме живет дух 1789 года»².

Но важно констатировать не только влияние Фоме на массы. Теряя своих недавних друзей из среды буржуазии и либерального дворянства, идеологи «Социального кружка» на определенное время сами подпали под влияние плебейских масс, что и выразилось прежде всего в характере эволюции выдвигавшихся ими социальных требований. Эти влияния шли из самой гущи ремесленных и плебейских масс, связи с которыми усилились у кружка в 1791 г. Принципиальное значение имеет обстоятельство, что наряду со связями с мелкобуржуазными, ремесленно-предпринимательскими слоями населения Сент-Антуанского предместья (депутация от которых явилась увенчать «Социальный кружок» венком из дубовых листьев) у него устанавливался известный контакт с наемными рабочими, причем не только Парижа, но отчасти и провинции. Они пишут в газету кружка о своих нуждах, обращаются к Бонвиллю за советами и т. д. Эпизодичность этих отношений и то обстоятельство, что руководители кружка, в отличие от «бешеных», стояли в стороне от массовой, например стачечной борьбы парижских рабочих весны 1791 г., говорят о том, что это были еще первые звенья связи между выходцами из мелкобуржуазной интеллигенции и плебейством.

Нам представляется вполне обоснованным мнение М. Ковалевского о том, что именно связи кружка с рабочими объясняют стремление жирондистской интеллигенции взять его под свое влияние. Как показал этот исследователь, буржуазные республиканцы-жирондисты (Мари Ролан, Лантега, Банкаль) намерены были использовать организуемых рабочих в своих политических целях, как для борьбы с «деспотизмом», т. е. с королевской властью, так и против якобинцев³. Но жирондистам удалось это сделать (значительно позже, уже после прекращения деятельности кружка) лишь в отношении самого Фоме, слабые стороны мировоззрения которого не дали возможности этому выходцу из мелкобуржуазной среды полностью перейти на сторону предпролетариата, ушедшего от него далеко вперед в своем революционном развитии⁴. Сам же кружок и федерация «Друзей истины» летом 1791 г.

¹ A Aulard Les orateurs de la révolution, t. 2, P., 1907, p. 120.

² Ibid

³ М Ковалевский. Происхождение современной демократии, т. III М., 1897, стр. 159—160.

⁴ В самый напряженный период борьбы между якобинцами и жирондистами, в конце 1792 — начале 1793 г., Бонвилль, занимая формально «нейтральную» (эклектическую, по выражению М Домманже) позицию, в действительности тоже стал на сторону жирондистов.

не пошли за жирондистами, а стали активным центром демократического республиканского движения. Республиканизм жирондистов носил классово-ограниченный, буржуазный характер; кружку же, как мы видели, были присущи все усиливающиеся социальные требования, нараставший протест не только против политического неравенства, но и против угнетения бедняков богачами. Эти влияния в дальнейшем взяли верх в сознании тех выходцев из рядов мелкобуржуазных групп, которые полностью перешли на позиции предпролетариата и стали предпролетарскими революционерами. Первыми из этой когорты были Ру и Варле — руководители «бешеных».

Фоше и Бонвилль остановились в начале этого пути. Но, вопреки утвердившемуся в литературе представлению о них, как о людях, не вышедших за рамки требования постепенного ограничения размеров частной собственности и наделения неимущих мелкими, равными участками земли, факты говорят о том, что весной 1791 г. они сделали первые, правда еще робкие шаги к признанию недостаточности пропагандировавшихся ими ранее требований. Несомненно, их толкнуло к этому новое обострение в это время классовой борьбы в городе и деревне, усиление «общей противоположности» между богачами и неимущими. Проявилось это влияние окружающей обстановки при следующих обстоятельствах. Фоше был избран епископом Кальвадосским и уехал в провинцию, к месту своего назначения. Сам факт занятия им этого места встретил резкое осуждение со стороны ряда бывших его единомышленников. То, что священник явно брал в нем верх над учеником философов-просветителей, последователем рационалистов и Спинозы, вызвало открытый, хотя и временный разрыв между ним и Бонвиллем. Об этом поступке дошел до нас и суровый отзыв Жака Ру в его письме к Марату, датированном июлем 1793 г.¹

Но, как с возмущением сообщает реакционный мемуарист, Фоше весной 1791 г. отнюдь не отошел еще от своих убеждений. Ибо он «вместо того, чтобы питать свою паству словом божьим, знакомил ее с «Декларацией прав» и привезенными им из Парижа революционными памфлетами. С христианской кафедры раздавались анархические доктрины, в которых он недавно наставлял своих слушателей в цирке истины». Особого внимания заслуживает, однако, следующее содержащееся здесь сообщение: «В одной из своих проповедей... для которой он (Фоше) взял текст „*esurientes implevit bonis et divites dimisit inanes*”, (т. е. „засыпал благами голодающих и пустил с сумой богатых”), Фоше с неистовством гремел против богачей и открыто проповедовал раздел имущества, заявляя при этом, что и Иисус Христос, и апостолы пришли на землю, чтобы установить общность имущества (*communauté de biens*)»². Встревленные этим власти привлекли Фоше к суду и приговорили к штрафу и тюремному заключению, от которых его избавили только избрание в Законодательное собрание и отъезд в Париж.

Здесь в выражении «общность имущества» мы не вправе еще видеть требование превращения имущества в общественную собственность,

¹ Jacques Roux à Marat, p. 3. Фотокопия.

² G. Duval. Souvenirs de la terreur de 1790 à 1793. P., 1841, p. 11. Имеются указания (к сожалению, без ссылки на соответствующий источник) на то, что Фоше в это время выступил также с брошюрой, в которой «требовал раздела собственности, или аграрного закона»; в то время как власти г. Кан обратились по этому поводу с донесением к министру юстиции, избиратели Байе нашли Фоше в его доме, привели на свое собрание, избрали председателем последнего, а затем — своим депутатом в Законодательное собрание (см. Larousse. Grand dictionnaire universel du XIX siècle, t. 8, p. 139).

понимаемое как ликвидация частной собственности. Скорее речь идет о наделении (путем раздела имуществ богачей) всех бедняков собственностью и о придании таким образом частной собственности «всеобщего» характера¹. Именно о таком понимании «грубым коммунизмом» общественной собственности как частной собственности, распространенной на всех членов общества, как мы видели, и говорит Маркс².

Но даже и при таком, наиболее осторожном, понимании смысла выступления Фоме оно знаменует собой переход от требования постепенного смягчения имущественного неравенства к требованию раздела всех имуществ, как недвижимых (земля), так и движимых. В свою очередь это последнее требование находится уже у той крайней черты уравнительности, за которой она утрачивает свой мелкособственнический характер и приводит к чисто плебейскому пониманию «общности имуществ», основанному на уничтожении частной собственности.

Гораздо отчетливее проявились все эти сложные переходные моменты в выступлениях Бонвилля. Мы имеем в виду его книгу «О духе религий», появившуюся в разгар политического кризиса лета 1791 г.

Книгу эту³ мы вправе рассматривать как выступление члена организации перед ее участниками. Изданная в типографии кружка, она рекомендуется автором как «обещанная и необходимая федерации «Друзей истины», содержит характеристику целей кружка, извлечения из его газет и т. д.

Не останавливаясь на чисто философской стороне содержания книги, на ее политической направленности, демократически-республиканской по всему своему духу, обратимся к содержащимся здесь социальным требованиям.

Все произведение Бонвилля дышит обострившейся ненавистью к социальному неравенству, к эксплуатации и угнетению. Как и в предыдущих выступлениях идеологов «Социального кружка», эта ненависть непосредственно направлена прежде всего на характерные проявления феодального гнета, но она уже явно перерастает в ненависть ко всякому имущественному неравенству и приводит его к отрицанию самой частной собственности. «До тех пор, пока будут существовать исключительные и наследственные привилегии, предоставляющие одному то, что принадлежит всем, формы тирании смогут меняться в зависимости от обстоятельств, но тирания будет всегда существовать»⁴.

Позиция Бонвилля сейчас несравненно более активна; в этом мы видим отражение нового обострения весной 1791 г. социальных и политических противоречий в стране. Он обращается в целом к народу, в котором видит тружеников и деревни и города, бедных крестьян и батраков, выгужденных питаться картофельной шелухой, рабочих, выстроив-

¹ В одной из своих более ранних речей Фоме говорил о необходимости ввести братское равенство на средства существования (*fraterniser les moyens*).

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 620.

³ Она обратила на себя внимание С. Марешала — будущего сподвижника Бабефа. Об этом свидетельствует тот факт, что второе издание этой книги, появившееся осенью 1792 г., находилось в его личной библиотеке. См. «Catalogue des livres de feu M. P. Silvain-Marechal» (№ 22), составленный в связи с распродажей книг с аукциона после его смерти в 1803 г. С. Марешал сблизился с Бонвиллем, когда активно сотрудничал (с 23 января 1793 г. до 15 апреля 1793 г.) в выпускавшемся последним «Bulletin des amis de la verité» (см. об этом М. Домтангет. *Silvain Marechal. L'egalitaire, l'homme sans Dieu* (1750—1803). *Vie et oeuvre de l'auteur du Manifeste des égaux*. P., 1950, стр. 233—235). Весьма доброжелательное упоминание о С. Марешале мы встречаем, однако, на страницах газеты «Социального кружка», редактировавшейся Бонвиллем уже в 1791 г. («La Bouche de fer», 1791, № 22, p. 346).

⁴ N. Bonneville. *De l'esprit des religions*, t. II. P., 1791, p. 11.

ших золоченные палаты, в которых нежатся их враги. Этого «человека из народа» он и призывает «осмелиться, наконец, потребовать облегчения своих бедствий от тиранов, похитивших его имущество и надежды»¹.

Бонвилль видит средство достигнуть великого социального единения в том, чтобы Национальное собрание своими декретами установило раздел земельных наследств на равные и определенные части (от 5 до 6 арпанов, т. е. от 2 до 2,5 га) среди прямых наследников и остальных родственников². Но это уже не предел стремлений Бонвилля. Рекомендую буржуазному большинству Национального собрания эту меру, он заявляет: «Вы будете еще очень далеки от справедливости и от осуществления признанных вами (т. е. буржуазией) равных и неотчуждаемых прав человека. Вы оставите еще на земле следы первородного греха, но лучшие законы не подходят вам. Ослепленный народ не знает своей силы, у него нет к тому же ваших искусственных потребностей. Вы скоро узнаете, что, действуя таким образом, вы действуете в своих собственных интересах»³.

Из этого заявления следуют весьма важные выводы. Значит, Бонвилль летом 1791 г. считает законы о разделе земель на мелкие частно-собственнические владения максимумом того, что «подходит» для буржуазии, идеалом же народа считает не ослабление, а полное уничтожение следов «первородного греха».

Из контекста явствует, что под последним Бонвилль подразумевал частную собственность. А. Матьез, единственный из буржуазных историков, обративший внимание на книгу Бонвилля, относит его, Фоме и Курнана к членам довольно организованной и активной группы, «которая требовала дополнительной социальной революции»⁴. Несмотря на неуместность применения самого этого термина, подобная характеристика свидетельствует о том, что Матьез правильно понял в своей лучшей работе, написанной им в 1926 г. под известным влиянием марксизма, что деятели «Социального кружка» (о чем говорят факты, приведенные выше), убедившись в бесплодности для народа формально-юридического, буржуазного понимания равенства, приближались к плебейскому, «социальному» его пониманию. А это неизбежно вело их к осуждению «первородного греха» — частной собственности. Матьез почему-то не обратил внимания на то, что именно об этом говорит содержание следующих глав книги Бонвилля. «Для друга истины первородный грех, — пишет он, — это печальные последствия тиранических и жестоких законов, осуждающих человека с момента его рождения на страдания от всех тех мучений и оскорблений, которые ожидают бедняка»⁵. Возмущаясь этой несправедливостью, которая существует для детей граждан, «равных в правах», Бонвилль осуждает тем самым это формальное равенство, не облегчающее, а лишь прикрывающее социальное неравенство и угнетение.

Как же уничтожить эти последние?

Рассмотрев существовавшие в древности у некоторых народов законы о периодическом и равном разделе земли⁶, Бонвилль признает их (об этом-то он и говорил Национальному собранию) недостаточными.

¹ N. Bonneville. De l'esprit des religions, p. II, P., 1791, p. 11.

² Там же, ч. I, стр. 59—60.

³ Там же, стр. 59.

⁴ А. Матьез. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М.—Л., 1928, стр. 74.

⁵ N. Bonneville. Ibid., p. 64.

⁶ Очевидно, Бонвиллю остался неизвестным факт сохранения подобных обычаев у ряда народов и в XVIII в.

Наиболее совершенным принципом он объявляет принцип «общности имущества». Если у нас были колебания в том, понимал ли Фосе весной 1791 г. под этим уничтожение частной собственности, то в том, что Бонвилль имеет в виду именно это, нет ни малейшего сомнения.

Бонвилль, подобно Фосе, исходит из того, что Энгельс называет: «хилиастические мечтания раннего христианства...»¹. Он совершенно определенно заявляет в своей книге (и мимо этого-то и прошел как раз А. Матьез), что по сравнению с существовавшими в древности у некоторых народов законами о периодическом уравнительном переделе земель, закрепляемых в индивидуальное владение, несравненно выше стоит проповедь раннего христианства, утверждавшего, что «земля, как и воздух, не является ничьей собственностью (que la terre, ainsi que l'air, n'appartient a personne en propre) и что плоды земли предназначены для всех»². И дальше Бонвилль, в соответствии с историческими фактами, характеризующими превращение христианства из религии рабов и угнетенных в орудие обогащения церковного клира, феодального духовенства, рисует следующую картину. «Появились, говорит он, проповедники «общности имущества», но мало-помалу лицемеры захотели получить право пользоваться чужим имуществом и доходами с него (se rendre fruitiers et dispensateurs); они все сохранили для себя, а вам вместо этого дали пару пощечин»³.

Конечно, такого рода аргументация в пользу «общности имущества» говорит об определенных чертах отсталости в мышлении Бонвилля. Но в то же время он переносит свои выводы на окружающую его действительность. Цитируя слова «Декларации прав» о том, что «собственность священна, неприкосновенна», Бонвилль клеймит авторов этой формулы как «лицемеров и узурпаторов»⁴.

Это и была высшая точка развития критики собственности, достигнутая идеологами «Социального кружка».

Как видим, формирование этого коммунистического вывода у Бонвилля (осуждение, как недостаточного, требования уравнительного передела земли в частную собственность) как бы предвосхищает ход мысли бабувистов. Но предвосхищает в виде намека, при наличии существенных различий в характере аргументации и в понимании путей практического осуществления этого идеала⁵.

Бабувисты были свободны от влияния религиозного мировоззрения; они опирались исключительно на аргументацию, взятую в естественно-правовой теории у «прямо коммунистических теорий» XVIII в. (Морелли), и ставили своей целью подготовку вооруженного восстания, проведение «новой, более величественной и последней революции». Именно в этом и сказались характерные черты их облика, как предпролетарских революционеров. Бонвилль же резко отрицательно отнесся к этой попытке⁶, хотя, судя по некоторым косвенным данным, сам к этому времени гораздо более определенно склонялся в принципе к коммунистическому идеалу, оставаясь, видимо, в то же время противником революционного пути его осуществления.

Но независимо от воли и сознания, от мечтаний Фосе, Бонвилля и

¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М., 1952, стр. 37.

² N. Bonneville. Ibid., p. 65.

³ Ibid.

⁴ Ibid., p. 78.

⁵ Ibid., p. II, p. 64.

⁶ См. издававшуюся им газету «Tribune du Peuple et sa Bouche de Fer», 1797, № 34, p. 152.

их единомышленников, членов «Социального кружка», более того, явно вопреки их субъективным намерениям, их мирной тактике, деятельность созданной и руководимой ими организации оказалась по праву вписанной именно в историю революционного движения, вызвавшего к жизни коммунистическую идею. Этот вывод не колеблют отмеченные выше черты слабости, незрелости в идеологии и тактике первого этапа этого движения, протекавшего в начале буржуазной революции и связанного с деятельностью «Социального кружка».

«Революционное движение, которое началось в 1789 г. в *Cercle social*, которое в середине своего пути имело своими главными представителями *Леклерка* и *Ру* и, наконец, потерпело на время поражение вместе с заговором *Бабефа*, — движение это вызвало к жизни коммунистическую идею, которая, после революции 1830 г., снова введена была во Францию другом *Бабефа*, *Буонарроти*. Эта идея, последовательно разработанная, и есть идея нового мирового порядка»¹.

Материалы о персонажах этой статьи

Клод ФОШЕ 22.12.1744 — 31.10.1793

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#fauchet>

Никола БОНВИЛЬ 13.03.1796 — 1828 ?

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#nbnv>

Томас ПЕЙН 29.01.1737 — 8.06.1809

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#tomp>

Жан Теофил Виктор ЛЕКЛЕРК 7.08.1771 — 1796 ?

http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lecl_teo

Жак РУ 23.08.1752 — 10.02.1794

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#JR>

Жан Жак РУССО 28.06.1712 — 2.07.1778

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#jjrсс>

Жанна Мария РОЛАН (ФЛИПОН) 18.03.1754 — 8.11.1793

http://vive-liberta.narod.ru/revol_fem/revol_fem_1.htm#manon

Франсуа Ноэль (Гракх) БАБЕФ 23.11.1760 — 27.05.1797

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#bf>

Фелисите Робер ЛАМЕННЕ 29.06.1782 — 27.02.1854

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#lamen>

Горн-Тук – в сб. работ В.П.Волгина

«Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в.»

http://enlightment2005.narod.ru/science/volg_soc4.pdf

См. также работу А.Р.Иоаннисяна

«Коммунистические идеи в годы Великой французской революции»

http://enlightment2005.narod.ru/arc/comm_ioan-1.pdf

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч, т. III, стр. 147.